(1)Судьбу поколения неслучайно сравнивают с белым листом, на котором невидимыми чернилами сделаны особые отметки, да и сама бумага покрыта незаметными для беглого взгляда «водяными знаками». (2)Растут дети, бегают в школу, дерутся и мирятся, ходят в технические кружки и на танцы, влюбляются и строят планы, не подозревая, что Судьба вносит за годом год строчки в их общую биографию. (3)Приходит срок, наступает их час –и внезапно в целом поколении обнаруживаются неведомые силы, способные противостоять любым испытаниям, вынести нечеловеческие нагрузки и победить любого врага.

(4)Жизнь — это путь. (5)Для того, кто хочет пройти его в угоду себе, он тёмен и неведом, ненадёжен, как игрушка в руках безрассудной фортуны. (6)Но для того, кто жизнь видит в служении своей Отчизне, этот путь наполнен особенным, непостижимым для прочих смыслом. (7)К общей цели его ведёт сама Россия.

(8)Её живая душа станет верной советчицей в сомнениях, надёжной попутчицей в долгих странствиях, нежной утешительницей в горе, трудолюбивой помощницей в деяниях, мужественной соратницей в борьбе и битве.

(9)Судьба великих сынов России всегда была открыта и ясна, потому что она кровно связана с судьбой народа, и биография каждого героя всегда совпадает с биографией его страны. (10)Самой жизнью уготовано им жить одной судьбой, разделять со страной её радость и скорбь. (11)Вместе победить и, если потребуется, не торгуясь, отдать за её победу свою жизнь.

(12)«Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет», — повторял Николай Кузнецов, легендарный разведчик, герой Советского Союза, сын «раскулаченных», с лихвой хлебнувший «от перегибов» в политике партии. (13)Русский герой не припоминал нанесённых обид и не предъявлял счетов. (14)Жизнь свою он положил для служения своей стране, защищая её от фашистов, и его «Подвиг разведчика» останется с нами навсегда.

(15)Русская земля сама рождает и закаляет своих защитников, наделяя их особой совестливостью и честью, чтобы представали они перед всем народом, пронося через века образец служения Родине.

(16)Необученные и необстрелянные мальчишки летом 1941 года будут совершать подвиги и являть чудеса героизма не ради карьеры и наград, не ради высокопарных лозунгов и политических доктрин. (17)Они будут стоять насмерть за свои детские дворы, где гоняли в футбол, за чердаки домов, на которых жались друг к другу голубятни, за берег речки и летние каникулы, проведённые в пионерском лагере, за свою школу, в которой день за днём постигали, «что такое хорошо и что такое плохо», за девчонок, с которыми целовались в скверах после выпускного бала… (18)Поэтому они окажутся сильнее любых вражеских «мёртвых голов» и станут непобедимыми. (19)Так дети Гражданской войны станут героями Великой Отечественной…

(20)Война не сломит их, только закалит характер. (21)Много испытавшие в жизни, они как никто будут ценить и понимать чужие чувства, при этом не скрывая своих. (22)Война воспитает в них человечность, научит принимать ответственность на себя, не бояться тяжёлых трудов, не сомневаться в правоте выбранного дела. (23)Сделает из обычных людей Поколение победителей.

(По М. С. Строганову*)

* Михаил Сергеевич Строганов — современный писатель, публицист.

1. Из предложений 9–11 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Дождь застиг Лосева на Кузнецком мосту. (2)Чтобы не мокнуть, Лосев зашёл на выставку. (3)До начала совещания оставалось часа полтора. (4)Не торопясь он ходил из зала в зал, отдыхал от московской суеты. (5)После мокрых весенне-холодных улиц, переполненных быстрыми столичными людьми, здесь было тихо, тепло.

(6)Он шёл вдоль стен, обтянутых серой мешковиной. (7)Грубая материя выглядела в данном случае весьма неплохо. (8)Что касается картин, развешанных на этой мешковине, у Лосева они не вызывали интереса. (9)Лично он любил живопись историческую, например, как Пётр Первый спасает солдат, или Иван Грозный убивает сына, или же про Степана Разина, также батальные сцены — переход Суворова через Альпы. (10)Нравились ему и портреты маршалов, полководцев, известных деятелей искусства. (11)Чтобы картина обогащала знаниями. (12)Здесь же висели изображения обыкновенных стариков, подростков, разложенных овощей и фруктов с разными предметами, рисунки на бумаге, множество мелких картин в простых крашеных рамах. (13)Лосев не мог представить себе, куда они все деваются после выставки, где находились до неё и вообще какой смысл создавать их для такого временного назначения. (14)Музеи — другое дело, в художественных музеях Лосев неоднократно бывал, на подобных же выставках не приходилось. (15)И сейчас он убеждался, что вряд ли от этого он что-либо потерял.

(16)Неожиданно что-то словно дёрнуло Лосева. (17)Как будто он на что-то наткнулся. (18)Но что это было — он не понял. (19)Кругом него было пусто. (20)Он пошёл было дальше, однако, сделав несколько шагов, вернулся, стал озираться и вновь почувствовал смутный призыв. (21)Исходило это от одной картины, чем-то она останавливала. (22)Осторожно, стараясь не утерять это чувство, Лосев подошёл к ней — перед ним был обыкновенный пейзаж с речкой, ивами и домом на берегу. (23)Название картины «У реки», написанное на латунной дощечке, ничего не говорило. (24)Лосев попробовал получше рассмотреть подробности дома и постройки. (25)Но вблизи, когда он наклонился к картине, пространство берега со всеми деталями стало распадаться на отдельные пятна, которые оказались выпуклыми мазками масляных красок со следами волосяной кисти.

(26)Лосев попятился назад, и тогда, с какого-то отдаления, пятна слились, соединились в плотность воды, в серебристую зелень, появились стены дома, облупленная штукатурка... (27)Чем дальше он отходил, тем проступали подробнее крыша, выложенная медными листами с ярко-зелёными окислами, труба, флюгер... (28)Проверяя себя, Лосев стал возвращаться к картине, пока не толкнул девицу, которая стояла с блокнотом в руках.

—(29)Картины не нюхать надо, а смотреть, — сказала она громко и сердито, не слушая его извинений.

—(30)Ну конечно, смотреть, вот я и засмотрелся, — простодушно сказал он. — (31)Я плохо разбираюсь, может, вы поясните.

—(32)Что именно? — сухо спросила девица.

—(33)Тут написано «У реки». (34)А что за река? (35)Как её название?

(36)Девица усмехнулась.

—(37)Разве это имеет значение?

—(38)Нет уж, вы позвольте, — поглядывая на картину и всё более беспокоясь, сказал Лосев. —(39)Очень даже имеет. (40)Мало ли рек. (41)Это же конкретно срисовано.

—(42)Так не говорят: срисовано, — поучительно пояснила она. — (43)Это был большой мастер, а не ученик. (44)Для него натура являлась средством, вернее, поводом обобщить образ, — тут она стала произносить ещё какие-то слова, каждое из которых было Лосеву известно, но, складываясь в фразу, они почему-то теряли всякую понятность.

—(45)Здорово вы разбираетесь. (46)Лосев вздохнул, показывая восхищение.

—(47)Всё же хорошо бы выяснить название. (48)Образ хоть и обобщённый, а местность-то можно ведь уточнить, как по-вашему?

—(49)Вряд ли...

(50)На картине, несомненно, был изображён старый дом семейства Кислых в его родном Лыкове: та же крыша, тот же флюгер, спуск к речке...

(51)Из глубины картины к нему слабо донёсся голос матери: «Серге-ей!»

(52)Счастье какое услышать снова певучий её голос.

(53)А под ивой за корягой жили налимы, их можно было нащупать тами толкнуть рукой.

(54)А на реке пахло брёвнами, дымком от шалашей плотогонов, пахло тиной и ряской, пахло осиной старое корыто, на котором они по очереди плавали по реке. (55)Запахи эти ожили, дохнули из глубины картины. (56)Запах горячих от солнца чугунных столбов, старого причала.

(57)К Лосеву вернулся тот огромный мальчишеский мир, шелестела листва, была жива ещё мать. (58)Он ощутил на голове её маленькую жёсткую руку.

(59)Было чудо, что художник поймал и заключил навечно в эту белую рамку его, Лосева, воспоминание — со всеми красками, запахами, теплотой.

(По Д. А. Гранину*)

* Даниил Александрович Гранин (1919–2017) — советский и российский писатель, киносценарист, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, лауреат многих премий.

2. Из предложений 37–43 выпишите контекстные антонимы.

(1)Когда я начал учиться в гимназии, мне было лет одиннадцать. (2)Всего одиннадцать лет отделяли меня от моего несуществования в мире, а я уже был в форменной фуражке, в тужурке, перехваченной кожаным поясом с металлической бляхой посередине живота. (3)Уже я стоял перед географической картой двух полушарий, смотрел на лиловые многоугольники колоний, на раковину Мадагаскара, читал и понимал слово «Великобритания». (4)Уже я писал готические немецкие буквы, уже думал о героях истории, которые были до меня — до моих одиннадцати лет…

(5)Как я воспринимал то обстоятельство, что я живу ещё немного, начал жить ещё очень недавно? (6)Я этого обстоятельства вообще не воспринимал. (7)Скорее, другие мне говорили, что я маленький. (8)Сам я, повторяю, этого не чувствовал, об этом не размышлял. (9)Я не думал о том, что можно быть каким-нибудь другим, кроме того, кем я был. (10)Если мне хотелось быть взрослым, то я думал не о физических изменениях, а только о тех возможностях, которые даны взрослому: не готовить уроки, есть сколько хочешь пирожных. (11)Я был человек, просто человек, не зная о себе, что я маленький, что только недавно явился в мир, что расту, узнаю, постигаю и тому подобное. (12)Именно — я был просто человек…

(13)Я думал, что после окончания гимназии я куплю велосипед и совершу на нём поездку по Европе. (14)Первая мировая война ещё не начиналась, ещё всё было очень старинно: солдаты в чёрных мундирах с красными погонами, зверинец на Куликовом поле с одним львом, говорящая голова в зеркальном ящике в балагане. (15)Ещё бывала первая любовь, когда девочка смотрела на тебя с балкона, и ты думал, не уродлив ли ты. (16)Ещё отец девочки, моряк в парадном мундире, гремя палашом*, шёл тебе навстречу и отвечал тебе на поклон, отчего ты бежал во весь дух, сам не зная куда, обезумевший от счастья. (17)Ещё продавали из-за зелёного прилавка квас по две копейки за стакан, и ты возвращался после игры в футбол, неся в ушах звон мяча…

(18)Я не купил велосипеда и не совершил путешествия по Европе. (19)Горел Верден, Реймский собор, в котором в своё время венчалась с французским королём дочь Ярослава Мудрого. (20)Появились первые танки, и впервые аэропланы стали сбрасывать бомбы. (21)Однако в музеях по-прежнему висели необыкновенные картины, прекрасные, как деревья на закате. (22)Во сне я иногда вижу своё пребывание в Европе, которого никогда не было. (23)Чаще всего мне снится Краков в виде стены, идущей кверху вдоль дороги, старой стены, с которой свисают растения, стучащие по ней ветками и шелестящие цветами…

(24)Удивительная работа воспоминания. (25)Мы вспоминаем нечто по совершенно неизвестной нам причине. (26)Скажите себе: «Вот сейчас я вспомню что-нибудь из детства», закройте глаза и скажите это. (27)Вспомнится нечто совершенно непредвиденное вами. (28)Участие воли здесь исключено. (29)Картина зажигается, включённая какими-то инженерами позади вашего сознания.

(30)Какая чудесная вещь — свобода воспоминаний! (31)Какая прелесть в том, что они появляются, как им угодно, и никак мы не можем заставить себя вспомнить именно это, а не другое. (32)Разумеется, есть точная закономерность этого возникновения, но —дудки — мы её никогда не поймём.

(33)Так, вспоминаю я, как вышли мы в море на яхте «Увлечение». (34)Мы — это знаменитый одесский врач Егор Степанович Главче, его приёмный сын Андронька и я, маленький мальчик Юра. (35)Долго следовало бы описывать яхту: она плоская, вы почти не возвышаетесь над водой — длинная, узкая, летящая. (36)Нет, это настолько плохое описание, что оно сворачивается. (37)Воспоминания не последует, только опишем, как при нашем возвращении горела вдали огнями Одесса, покинутая нами утром, как, казалось, перебегают с места на место огни, исчезают, опять загораются, как дышит и ходит всё это поле огней…

(38)Нет, и это воспоминание, как видно, не получится! (39)Как тихонько под самыми пальцами, которые вы опускали в воду, рокотало и бежало атласное море, рокотало и бежало, тёмное, бежало навстречу нам низко-низко под бортом яхты, на расстоянии локтя — ещё одного локтя, потому что вы сидели облокотившись…

(40)Я ещё люблю вспоминать. (41)Я мало что знаю о жизни. (42)Но мне больше всего нравится, что в ней есть звери, большие и маленькие, что в ней есть

звёзды, выпукло и сверкающе смотрящие на меня с ясного неба, что в ней есть деревья, прекрасные, как картины, и ещё многое и многое…

(По Ю. К. Олеше*)

* Юрий Карлович Олеша (1899–1960) — русский советский писатель, поэт и драматург, журналист, киносценарист.

---

* Палаш — рубящее и колющее ручное оружие с длинным прямым клинком.

3. Из предложений 13–16 выпишите один фразеологизм.

(1)Однажды я ехал в электричке. (2)Сидевшая рядом со мной у окна скромно одетая сдержанная женщина открыла томик Чехова. (3)Дорога предстояла длинная, книжки я не захватил, люди вокруг были чужие, я стал думать о работе. (4)И тем же тоном, каким спрашивают, например: «Вы не знаете, скоро ли мы приедем?» — я неожиданно для себя и тем более для соседки спросил её:

— Простите, вы не знаете, что такое счастье?

(5)Женщина с томиком Чехова в руках оказалась замечательной собеседницей. (6)Она не стала спрашивать меня, отчего я задал такой странный вопрос, не стала с ходу отвечать, она прикрыла книгу и долго молчала, посматривая в окно, — думала. (7)Наконец, когда я совсем уже решил, что она забыла о вопросе, она повернулась ко мне и сказала...

(8)Вернёмся к её ответу позже. (9)Спросим себя: что такое счастье? (10)Что кроется за этим словом?

(11)В каждой стране есть свой Главный педагог — народ и есть Главный учебник — язык. (12)Я не должен объяснять, что такое счастье, я должен смиренно спросить об этом наш язык — в нём всё есть, из него всё поймёшь, прислушиваясь к слову в сегодняшней нашей речи. (13)Народная мысль содержится не только в пословицах и поговорках, в народной мудрости, но и в распространённых, обычных фразах и оборотах речи. (14)Поищем: с какими другими словами сочетается интересующее нас понятие, почему так можно сказать, а так нельзя. (15)Это никогда не бывает случайным.

(16)Мы говорим: «счастливая доля», «счастливый случай», «счастливая судьба», «счастье привалило», «вытянул счастливый билет».

(17)Самые деятельные, всего достигшие своим трудом люди говорят: «Мне выпало счастье, мне дано счастье...»

(18)Счастье — фортуна, судьба, о которой мы ничего не знаем, и если его нет, то говорят: «Такая уж у меня судьба», «Видно, мне так на роду написано».

(19)Но мы не раз ещё столкнёмся с законом духовной жизни: всё, что есть в человеке, возникает из двух встречных движений, из двух сил: из движения, направленного от мира к человеку, и движения от человека к миру. (20)Противоположные эти силы, встречаясь в одной точке, не уничтожаются, а складываются. (21)Но если встреча не происходит, то обеих сил словно и не было. (22)Предположим, человеку нет удачи ни в чём, несчастья преследуют его, и выпала ему, быть может, от рождения тяжёлая доля. (23)Не всякий сумеет победить судьбу. (24)Но сильный человек умеет использовать самый незаметный шанс, который, конечно, есть в жизни каждого: он побеждает судьбу. (25)Вернее, не судьбу, а трудности, которые посланы ему судьбой. (26)И если нет собственного стремления победить, стремления к счастью, то хоть озолоти его — счастья не будет. (27)У него нет веры в жизнь, воля его сломлена. (28)Говорят: «нашёл своё счастье», «добыл счастье», «достиг счастья» и даже «украл чужое счастье». (29)Язык требует действия: нашёл, поймал, добыл, достиг, вырвал у судьбы своё счастье, всякий человек — кузнец своего счастья.

(30)Человек должен стремиться к счастью. (31)Неукротимое, неудержимое, жгучее желание счастья... (32)Счастье не вещь, и не склад вещей, и не положение, и не денежное состояние, а состояние души, возникающее при достижении сильно желаемого. (33)Счастье — это благословенное состояние, благодать.

(34)Что же, однако, сказала о счастье женщина в электричке? (35)Позже выяснилось, что она научный сотрудник, специалист в области химии белков. (36)После долгого обдумывания моего вопроса она сказала:

— Я не могу дать определения счастья. (37)Вот учёный! (38)Учёный не тот, кто всё знает, а тот, кто точно знает, чего он не знает. (39)Но, может быть, так? (40)У человека есть духовные стремления: когда они удовлетворяются, он чувствует себя счастливым. (41)Похоже на правду?

(По С. Л. Соловейчику*)

* Симон Львович Соловейчик (1930–1996) — публицист, педагог, философ. Главный труд его жизни — книга «Педагогика для всех», в которой он изложил принципы воспитания Свободного Человека.

4. Из предложений 20–23 выпишите синонимы (синонимическую пару).

(1)Солдаты, расположившиеся вокруг пушки, были заняты каждый своим делом. (2)Кто, пристроившись к сосновому ящику со снарядами, писал письмо, слюнявя химический карандаш и сдвинув на затылок шлем; кто сидел на лафете, пришивая к шинели крючок; кто читал маленькую артиллерийскую газету.

(3)Живя с разведчиками и наблюдая поле боя с разных сторон, Ваня привык видеть войну широко и разнообразно. (4)Он привык видеть дороги, леса, болота, мосты, ползущие танки, перебегающую пехоту, минёров, конницу, накапливающуюся в балках…

(5)Ваня стоял у колеса орудия, которое было одной с ним вышины, и рассматривал бумажку, наклеенную на косой орудийный щит. (6)На этой бумажке были крупно написаны тушью какие-то номера и цифры, которые мальчик безуспешно старался прочесть и понять.

— (7)Ну, Ванюша, нравится наше орудие? — услышал он за собой густой, добродушный бас.

(8)Мальчик обернулся и увидел наводчика Ковалёва.

— (9)Так точно, товарищ Ковалёв, очень нравится, — быстро ответил Ваня и, вытянувшись в струнку, отдал честь.

(10)Наружностью своей Ковалёв меньше всего отвечал представлению о лихом солдате, Герое Советского Союза, лучшем наводчике фронта. (11)Прежде всего, он был немолод. (12)В представлении мальчика он был уже не «дяденька», а скорее принадлежал к категории «дедушек». (13)До войны он был заведующим большой птицеводческой фермой. (14)На фронт он мог не идти, но в первый же день войны записался добровольцем.

(15)Во время Первой мировой войны Ковалёв служил в артиллерии и уже тогда считался выдающимся наводчиком. (16)Вот почему и в эту войну он попросился в артиллерию наводчиком. (17)Сначала в батарее к нему относились с недоверием — уж слишком у него была добродушная, сугубо гражданская внешность. (18)Однако в первом же бою он показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда.

(19)Его работа при орудии была высочайшей степенью искусства. (20)Бывают наводчики хорошие, способные. (21)Бывают наводчики талантливые. (22)Бывают выдающиеся. (23)Он был наводчик гениальный. (24)И самое удивительное заключалось в том, что за четверть века, которые прошли между двумя мировыми войнами, он не только не разучился своему искусству, но как-то ещё больше в нём окреп. (25)Новая война поставила артиллерии много новых задач. (26)Она открыла в старом наводчике Ковалёве качества, которые в прежней войне не могли проявиться в полном блеске. (27)Он не имел соперника в стрельбе прямой наводкой.

(28)В минуту опасности Ковалёв преображался. (29)В нём загорался холодный огонь ярости. (30)Он не отступал ни на шаг. (31)Он стрелял из своего орудия до последнего патрона. (32)А выстрелив последний патрон, он ложился рядом со своим орудием и продолжал стрелять из автомата. (33)Расстреляв все диски, он спокойно подтаскивал к себе ящики с ручными гранатами и, прищурившись, кидал их одну за другой, пока немцы не отступали…

(34)Среди людей часто попадаются храбрецы. (35)Но только сознательная и страстная любовь к Родине может сделать из храбреца героя. (36)Ковалёв был истинный герой. (37)Он страстно, но очень спокойно любил Родину и ненавидел всех её врагов.

(38)Командование неоднократно выдвигало Ковалёва на более высокую должность. (39)Но каждый раз он просил оставить его наводчиком и не разлучать с орудием.

— (40)Наводчик — это моё настоящее дело, — говорил Ковалёв, — с другими обязанностями я так хорошо не справлюсь, уж вы мне поверьте, за чинами я не гонюсь. (41)Тогда был наводчиком и теперь до конца войны хочу быть наводчиком. (42)А для командира я уже не гожусь. (43)Стар. (44)Надо молодым давать дорогу. (45)Покорнейше вас прошу.

(46)В конце концов его оставили в покое. (47)Впрочем, может быть, Ковалёв был прав: каждый человек хорош на своём месте. (48)И безусловно, для пользы службы лучше иметь выдающегося наводчика, чем посредственного командира взвода…

(По В. П. Катаеву*)

* Валентин Петрович Катаев (1897–1986) — русский советский писатель, поэт, киносценарист и драматург, журналист, военный корреспондент.

5. Из предложений 40–48 выпишите слово со значением «служебный разряд (класс) у военных и гражданских служащих».

(1)В наше время чтение художественной литературы, по сути, привилегия. (2)Слишком много времени отнимает этот род занятий. (3)Недосуг. (4)Да и чтение — это тоже работа, и в первую очередь — над собой. (5)Пусть незаметная, не столь обременительная, но у человека, потратившего день на решение проблем, требующих физической или интеллектуальной и душевной отдачи, порой просто не остаётся сил поинтересоваться новинками литературы. (6)Это никого не оправдывает, но причины очевидны, а стойкую привычку к серьёзному чтению, к сожалению, выработали не все.

(7)Для большей части взрослых и пожилых людей в наши дни телевидение заменяет чтение, они если и знакомятся с новинками книжного рынка, то за редким исключением в примитивном телевизионном изложении. (8)Молодёжь же всё чаще познаёт мир слова через наушники плееров и интернет-ресурсы, посредством смартфонов и планшетов, которые всегда под рукой. (9)Возможно, я сгущаю краски и кто-то сумеет нарисовать более оптимистичную картину, но, на мой взгляд, реалии времени именно таковы.

(10)Себя отношу к категории людей, занятых делом, но мой пример нетипичен. (11)Я умудряюсь читать и писать. (12)Выпустил четвёртый сборник стихов. (13)Не останавливаюсь на этом, папки рукописей и черновиков пополняются, хотя перелёты, поездки и ночное бодрствование — вот весь писательский ресурс, который у меня остаётся. (14)С чтением ещё сложнее, паузы выпадают редко.

(15)Если попытаться охарактеризовать всё отобранное и недавно прочитанное мною, то первое, что приходит на ум: это написали личности! (16)Люди, сделавшие себя сами. (17)Им веришь. (18)Сама история их жизни не позволяет усомниться в выводах и формулировках. (19)А ведь это очень важно — верить автору, что бы мы ни читали: научную литературу, роман или мемуары. (20)Знаменитое «Не верю!» Станиславского проникает сейчас во все жанры и виды искусства. (21)И если в кино динамика кадра и лихость сюжета могут отвлечь внимание зрителя от нестыковок и откровенной фальши, то печатное слово сразу выталкивает на поверхность всякое враньё, всё, что написано ради красного словца, высосано из пальца. (22)Воистину написанное пером не вырубишь топором.

(23)Проверяя читательский багаж прошлых лет, прихожу к выводу, что я всегда неосознанно тянулся к авторам, которые не только отмечены писательским талантом, но и обладают выдающейся личной историей. (24)Биографией, как тогда говорили. (25)В советское время информация о личной жизни популярных авторов была дозированной, а порой и недоступной, о пиаре тогда никто и не догадывался. (26)Но крупицы их дел и поступков были у всех на слуху, оживляли образ и увеличивали наши симпатии и степень доверия. (27)Так было с Маяковским, так было с Высоцким и Визбором, с Солженицыным и Шаламовым. (28)И многими другими, чьи тексты мы разбирали на цитаты, чьи высказывания становились самыми убедительными аргументами в спорах.

(29)Что же является критерием настоящей литературы? (30)Для меня главным мерилом был и остаётся результат: чтобы тебе поверили.

(По А. Н. Соболеву*)

* Андрей Николаевич Соболев — член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре; журналист, поэт-песенник.

6. Из предложений 10–14 выпишите разговорное слово.

(1)Мы — остатки воевавших за Доном частей, докатившихся до Сталинграда, — пробыли месяц в запасном полку за Волгой. (2)Кого-то вновь бросили в бой, а нас отвели в запас, казалось бы, это отдых от окопов. (3)Отдых… два свинцово-тяжёлых сухаря на день, мутная водица вместо похлёбки, ватные ноги и головокружение от голода. (4)Отправку на фронт встретили с радостью. (5)Очередной хутор на нашем пути. (6)Мы все отошли на обочину дороги, а наш лейтенант в сопровождении старшины отправился выяснять обстановку.

(7)Через полчаса старшина вернулся.

— (8)Ребята! —объявил он вдохновенно. — (9)Удалось вышибить по двести пятьдесят граммов хлеба и по пятнадцать граммов сахара! (10)Кто со мной получать хлеб? (11)Давай ты! — (12)Я лежал рядом, и старшина ткнул в меня пальцем.

(13)В ту самую секунду у меня вспыхнула мыслишка… трусливая, гаденькая и унылая. (14)Тащился я с плащ-палаткой за старшиной,а мыслишка жила и заполняла меня отравой. (15)Я расстилал плащ-палатку на затоптанном крыльце, и у меня дрожали руки. (16)Старшина на секунду отвернулся, и я сунул полбуханки под крыльцо, завернул хлеб в
плащ-палатку, взвалил её себе на плечо.

(17)Только идиот может рассчитывать, что старшина не заметит исчезновения перерубленной пополам буханки. (18)Я вор, и сейчас, через несколько минут, это станет известно. (19)Тем, кто, как и я, пятеро суток ничего не ел. (20)Как и я!

(21)В жизни мне случалось делать нехорошее: врал учителям, чтоб не поставили двойку, не раз давал слово не драться и не сдерживал слова, однажды на рыбалке я снял с чужого крюка толстого голавля. (22)Но всякий раз я находил для себя оправдание: не выучил задание — надо было дочитать книгу; подрался снова, так тот сам полез первый. (23)Теперь я и не искал оправданий. (24)Ох, если б можно вернуться, достать спрятанный хлеб, положить его обратно в плащ-палатку!

(25)С обочины дороги навстречу нам с усилием стали подыматься солдаты. (26)Хмурые, тёмные лица, согнутые спины, опущенные плечи. (27)Старшина распахнул плащ-палатку, и хлеб был встречен почтительным молчанием. (28)В этой-то почтительной тишине и раздался вопрос.

— (29)А где?.. (30)Тут полбуханка была!

(31)Произошло лёгкое движение, тёмные лица повернулись ко мне, со всех сторон — глаза, глаза, жуткая насторожённость в них.

— (32)Эй ты! (33)Где?! (34)Тебя спрашиваю!

(35)Я молчал. (36)А пыльные люди с тёмными лицами обступали меня.

(37)Пожилой солдат, выбеленно голубые глаза, изрытые морщинами щёки, сивый от щетины подбородок, голос без злобы:

—(38)Лучше, парень, будет, коли признаешься.

(39)В голосе пожилого солдата — крупица странного, почти неправдоподобного сочувствия. (40)А оно нестерпимее, чем ругань и изумление.

— (41)Да что с ним разговаривать!

(42)Один из парней вскинул руку. (43)И я невольно дёрнулся.

(44)А парень просто поправил на голове пилотку.

— (45)Не бойся! —с презрением проговорил он. —(46)Бить тебя… (47)Руки пачкать.

(48)И неожиданно я увидел, что окружавшие меня люди поразительно красивы — тёмные, измученные походом, голодные, но лица какие-то гранёные, чётко лепные. (49)Среди красивых людей — я уродлив.

(50)Ничего не бывает страшнее, чем чувствовать невозможность оправдать себя перед самим собой. (51)Мне повезло, в роте связи гвардейского полка, куда я попал, не оказалось никого, кто видел бы мой позор. (52)Мелкими поступками раз за разом я завоёвывал себе самоуважение — лез первым на обрыв линии под шквальным обстрелом, старался взвалить на себя катушку с кабелем потяжелей; если удавалось получить у повара лишний котелок супа, не считал это своей добычей, всегда с кем-то делил его. (53)И никто не замечал моих альтруистических «подвигов», считали — нормально. (54)А это-то мне и было нужно, я не претендовал на исключительность, не смел и мечтать стать лучше других.

(55)Больше в жизни я не воровал. (56)Как-то не приходилось.

(По В. Ф. Тендрякову*)

* Владимир Фёдорович Тендряков (1923–1984) —русский советский писатель, автор произведений о духовно-нравственных проблемах.

7. Из предложений 45–49 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Толстой вошёл в мою жизнь, не представившись. (2)Мы с ним уже активно общались, а я всё ещё не подозревал, с кем имею дело.

(3)Мне было лет двенадцать, то есть после войны прошло около двух лет, когда маму на лето назначили директором пионерского лагеря.

(4)И однажды к нашему дому подвезли на грузовичке и горой вывалили в комнате прямо на пол книги — основательно бывшие в употреблении, но весьма разнообразные по тематике. (5)Кто-то заранее побеспокоился, не без маминого, думаю, участия, чтобы для детей была создана библиотека.

(6)«Ваше любимое занятие?»

— (7)«Рыться в книгах». (8)Это и про меня. (9)Тогда, в детстве, тоже рылся. (10)Пока в один счастливый момент не выудил из этой горы потрёпанный кирпичик: тонкая рисовая бумага, старинные буквы «еры» и «яти», обложек нет, первых страниц нет, последних нет. (11)Автор — инкогнито.

(12)Глаз упал на начало, которое не было началом, а дальше я оторваться от текста не смог. (13)Я вошёл в него, как в новый дом, где почему-то всё оказалось знакомым: никогда не был, а всё узнал. (14)Поразительно! (15)Казалось, неведомый автор давно подсматривал за мной, всё обо мне узнал и теперь рассказал: откровенно и по-доброму, чуть ли не по-родственному.

(16)Написано было: «По тому инстинктивному чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною мыслью разговора, Катенька поняла, что мне больно её равнодушие...» (17)А ведь сколько раз и мне случалось, как и неведомой Катеньке, в разговоре инстинктивно угадывать «мысли другого»! (18)Как точно...

(19)Или в другом месте: «Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня и то, что я понимаю, что он понимает меня...» (20)Опять лучше не скажешь! (21)«Я понимаю, что он понимает...»

(22)И так на каждой странице. (23)«В молодости все силы души направлены на будущее... (24)Одни понятные и разделённые мечты о будущем счастье составляют уже истинное счастье этого возраста». (25)Опять моё! (26)Так и есть: каждый день твоих детства-отрочества, если они нормальны, будто сплавлен с солнцем и светом ожидания, чтобы твоё предназначение состоялось. (27)Но как выразить вслух это снедающее тебя предчувствие, можно ли передать его словами? (28)Пока ты мучим неодолимой немотой, этот автор-инкогнито всё за тебя успел рассказать.

(29)Но кто он был — неведомый автор? (30)Чья такая волшебная книга оказалась у меня в руках?

(31)Надо ли говорить, что ни в какую библиотеку она не поехала: с обглоданными своими началом и концом она осталась у меня лично.

(32)Позже я узнал её и в переплёте: «Детство», «Отрочество», «Юность» Льва Николаевича Толстого. (33)Вот так Толстой вошёл в мою жизнь, не представившись.

(34)Иллюзия узнавания — непременная особенность классических текстов. (35)Их авторы — классики, потому что пишут для всех. (36)Это верно. (37)Но они ещё и потому вечные классики, что пишут для каждого. (38)Это верно в не меньшей степени.

(39)Юный простак, я «купился» именно на последнее. (40)Эксперимент был проведён чисто: автора скрыли. (41)Магия имени не довлела над восприятием текста. (42)Текст сам отстоял своё величие.

(43)Толстовская «диалектика души», впервые отмеченная нелюбезным Владимиру Набокову Николаем Чернышевским, как шаровая молния в форточку, сияя, влетела в очередное неопознанное читательское сердце.

(По Д. К. Орлову*)

* Даль Константинович Орлов (род. в 1935 г.) — критик, драматург, сценарист, публицист.

8. Из предложений 6–11 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)С перебитой ногой я лежал у окна санитарного поезда спиной к движению. (2)Уходящая местность открывалась передо мной, и поэтому я увидел эти три танка, когда мы уже прошли мимо них. (3)Открыв люки, танкисты смотрели на нас. (4)Они были без шлемов, и мы приняли их за своих. (5)Потом люки закрылись, и это была последняя минута, когда ещё невозможно было предположить, что по санитарному эшелону, в котором находилось, вероятно, не меньше тысячи раненых, другие, здоровые люди могут стрелять из пушек.

(6)Но именно это и произошло.

(7)С железным скрежетом сдвинулись вагоны, меня подбросило, и я невольно застонал, навалившись на раненую ногу. (8)Мне видно было через окно, как первые раненые, выскочив из теплушек, бежали и падали, потому что танки стреляли по ним шрапнелью.

(9)Кое-как я сполз с койки, и толпа раненых вынесла меня на площадку. (10)Я лёг под вагон, беспомощный, томящийся от бешенства и боли.

(11)Кто-то крепко взял меня за руку. (12)Это была санитарка.

—(13)Я никуда не пойду! — сказал я. — (14)Оставьте меня! (15)У меня есть пистолет, и живым они меня не получат.

(16)Но две санитарки схватили меня, и мы втроём скатились под насыпь. (17)Ромашов мелькнул где-то впереди в эту минуту.

(18)Кое-как перебравшись через болото, мы залегли в маленькой осиновой роще: девушки, я, Ромашов и два легко раненных бойца, присоединившихся к нам по дороге. (19)Я послал этих бойцов в разведку, и, вернувшись, они доложили, что на разных направлениях стоят немцы.

— (20)Уйти, конечно, можно, но, поскольку капитан не может самостоятельно двигаться, лучше воспользоваться дрезиной.

(21)Дрезину они нашли под насыпью у разъезда. (22)Бойцы и санитарки ушли, чтобы поднять её и поставить на рельсы.

(23)Мы с Ромашовым остались одни в маленькой мокрой берёзовой роще. (24)Мне трудно рассказать о том, каким был этот день. (25)Мы ждали и ждали без конца.

(26)Уходя, санитарка сунула мне под голову свой заплечный мешок. (27)Очевидно, в мешке были сухари: что-то хрустнуло, когда я кулаком подбил мешок повыше. (28)Ромашов стал ныть, что он умирает от голода, но я прикрикнул на него, и он замолчал.

—(29)Они не вернутся, — нервно сказал он. —(30)Они бросили нас.

(31)Вероятно, у меня было плохое настроение, потому что я вытащил пистолет и сказал Ромашову, что убью его, если он не перестанет ныть. (32)Он замолчал и, кажется, с трудом удержался, чтобы не заплакать.

(33)Плохо было дело! (34)Уже первые сумерки крадучись стали пробираться в рощу, а девушки не возвращались. (35)Разумеется, я и мысли не допускал, что они могли уехать на дрезине без нас, как это подло предполагал Ромашов. (36)Пока лучше было не думать, что они не вернутся.

(37)Лёжа на спине, я незаметно уснул. (38)Когда я открыл глаза, туман лениво бродил между деревьями. (39)Ромашов сидел поодаль в прежней сонно-равнодушной позе. (40)Всё, кажется, было, как прежде, но всё уже было совершенно другим.

(41)Он посмотрел на меня искоса, очень быстро, и я сразу понял, почему мне так неудобно лежать. (42)Он вытащил из-под моей головы мешок с сухарями. (43)Кроме того, он вытащил флягу с водой и пистолет.

(44)Кровь бросилась мне в лицо. (45)Он вытащил пистолет!

—(46)Сейчас же верни оружие, болван! — сказал я спокойно.

—(47)Ты всё равно умрёшь, — сказал он торопливо. —(48)Тебе не нужно оружие.

—(49)Верни пистолет, если не хочешь попасть под полевой суд. (50)Понятно?

(51)Он стал коротко, быстро дышать:

— Какой там полевой суд! (52)Мы одни, и никто ничего не узнает.

(53)Он уложил мешки и пошёл по направлению к болоту, и через пять минут среди далёких осин мелькала его сутулая фигура.

(54)Оставить меня одного, голодного и безоружного, тяжело раненного в лесу, в двух шагах от расположения немецкого десанта… (55)Он ушёл, что было равносильно убийству, а может быть, даже и хуже.

(По В. А. Каверину*)

* Вениамин Александрович Каверин (1902—1989) — русский советский писатель, драматург и сценарист.

9. Из предложений 21–28 выпишите один фразеологизм.

(1)Ещё в юности я вычитал у какого-то древнего мудреца изречение: «От одного слова может померкнуть солнце».

(2)Я тотчас забыл это изречение и никогда не вспоминал о нём. (3)Но однажды случилось незначительное на первый взгляд событие.

(4)Действительно, после этого события мне показалось, что солнце померкло и скучный сумрак затянул всё, что перед этим сверкало вокруг разнообразными красками, светом и теплотой.

(5)Случилось это на Оке, вблизи Рязани, около наплавного моста.

(6)Я перешёл по мосту на луговой берег, на пески. (7)От нагретой лозы пахло вялой сладостью. (8)По Оке нехотя проплывало отражённое небо, всё в летних белых облаках.

(9)На песчаном пляже сидел человек с сизым затылком, в чёрном френче и сапогах. (10)Рядом с ним, как откормленный кот, лежал портфель, раздувшийся от бумаг.

(11)Посреди реки купались, рыча и повизгивая, два человека.

(12)Неожиданно сидевший на берегу человек сердито закричал:

— Эй, товарищи! (13)Закругляйте купаться!

— (14)Мгновенно, товарищ начальник! — бодро крикнул в ответ молодой человек.

— (15)Лимит времени прошу соблюдать! — снова прокричал человек в чёрном френче.

(16)Солнце в моих глазах померкло от этих слов. (17)Я как-то сразу ослеп и оглох. (18)Я уже не видел блеска воды, воздуха. (19)Я не чувствовал запаха клевера, не слышал смеха белобрысых мальчишек, удивших рыбу с моста.

(20)Мне стало даже страшно. (21)Что это? — спрашивал я себя. (22)Шутит ли этот человек или говорит всерьёз? (23)Если всерьёз, то это отвратительно, а если шутит, то это ещё отвратительнее.

(24)Я подумал: до какого же холодного безразличия к своей стране, к своему народу, до какого невежества и наплевательского отношения к истории России, к её настоящему и будущему нужно дойти, чтобы заменить живой и светлый русский язык речевым мусором!

(25)В сотый раз пришла в голову мысль, что мы нерадивые потомки своих отцов. (26)Для чего Пушкин, Языков, Лермонтов, Герцен, Толстой, Чехов, Лесков, Салтыков-Щедрин создавали величайший в мире по красоте и зримой образности русский язык? (27)Для чего в тысячах деревень этот язык приобретал меткость, силу, задушевность, блеск и певучесть?

(28)Для чего в этом языке существует неизмеримое количество великолепнейших слов, способных передать всё богатство духовного мира нашего человека? (29)И не только духовное богатство, но и все богатства природной жизни страны — её шумов, её очарований — от соловьиного боя до гула сосновых вершин и от мгновенной зарницы до жгучей росы на траве.

(30)Для чего был вызван к жизни этот волшебный, свободный, крылатый и живой язык, живой потому, что он всегда выражал живую душу народа? (31)Неужели для того, чтобы свести его к косноязычию, к словарной нищете, иными словами, — к языку мёртвому?

(32)Мне в тот день вообще не везло. (33)В двух километрах от реки на обочине дороги я увидел фанерный щит, рябой от дождя, с лозунгом: «Доярки, выполняйте среднефермские обязательства надоя!»

(34)Солнце вторично погасло в тихом и, казалось, обиженном небе.

(35)Чтобы прийти в себя и избежать дальнейших возможных огорчений, я ушёл на Старицу и заночевал там на берегу, в старом шалаше под непроглядной сенью ив.

(36)Я лежал на старом сене и почти всю ночь напролёт вспоминал стихи разных наших поэтов. (37)Это вернуло мне веру в могущество русского языка, в то, что ничто не сможет убить его, как нельзя убить звёзды, воздух, великую душу народа.

(38)Русский язык принёс нам из далёких времён редкий подарок — «Слово о полку Игореве», степную ширь и горечь, трепет синих зарниц, звоны мечей.

(39)Этот язык украшал сказками и песнями тяжёлую долю простого человека. (40)Он был гневным и праздничным, ласковым и разящим. (41)Он гремел непоколебимым гневом в речах и книгах наших вольнодумцев, томительно звучал в стихах Пушкина, гудел, как колокол на башне вечевой, у Лермонтова, рисовал огромные полотна русской жизни у Толстого, Герцена, Тургенева, Достоевского, Чехова, был громоподобен в устах Маяковского, прост и строг в раздумьях Горького, колдовскими напевами звенел в строфах Блока.

(42)Нужны, конечно, целые книги, чтобы рассказать о всём великолепии, красоте, неслыханной щедрости нашего действительно волшебного языка — точного, как алмазный резец, и кружащего голову, как вино.

(43)Богатства русского языка неизмеримы. (44)Они просто ошеломляют. (45)Для всего, что существует в мире, в нашем языке есть точные слова и выражения.

(46)Подобно тому как каждое слово неотделимо от понятия, которое оно передаёт, так и русский язык неотделим от духовной сущности русского народа и от его истории.

(47)Дурной язык — следствие невежества, потери чувства родной страны, отсутствия вкуса к жизни. (48)Русский язык, по существу, дан не одному, а многим народам, и было бы настоящим преступлением перед потомками, человечеством, перед культурой позволить кому бы то ни было искажать его и калечить.

(49)Наш язык — наш меч, наш свет, наша любовь, наша гордость! (50)Глубоко прав Тургенев, сказавший, что такой великий язык мог быть дан только великому народу.

(По К. Г. Паустовскому*)

* Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) — русский советский писатель.

10. Из предложений 28–33 выпишите антонимы (одну антонимическую пару).

(1)От нашего класса у меня остались воспоминания и одна фотография. (2)Групповой портрет с классным руководителем в центре, девочками вокруг и мальчиками по краям. (3)Фотография поблёкла, края, смазанные ещё при съёмке, сейчас окончательно расплылись; иногда мне кажется, что расплылись они потому, что мальчики нашего класса давно отошли в вечность, так и не успев повзрослеть, и черты их растворило время. (4)Из сорока пяти человек, закончивших когда-то 7 «Б», до седых волос дожило девятнадцать. (5)Мне почему-то сейчас не хочется вспоминать, как мы убегали с уроков, устраивали толкотню в раздевалке, чтобы хоть на миг прикоснуться к той, которую любили настолько тайно, что не признавались
в этом самим себе.

(6)А ещё мы с детства играли в то, чем жили сами. (7)Классы соревновались не за отметки или проценты, а за честь написать письмо папанинцам или именоваться «чкаловским», за право побывать на открытии нового цеха завода или выделить делегацию для встречи испанских детей.

(8)И ещё я помню, как горевал, что не смогу помочь челюскинцам, потому что мой самолёт совершил вынужденную посадку где-то в Якутии, так и не долетев до ледового лагеря. (9)Самую настоящую посадку: я получил «плохо», не выучив стихотворения. (10)Потом-то я его выучил: «Да, были люди в наше время…» (11)А дело заключалось в том, что на стене класса висела огромная самодельная карта и каждый ученик имел свой собственный самолёт. (12)Отличная оценка давала пятьсот километров, но я получил «плохо», и мой самолёт был снят с полёта. (13)«Плохо» было не просто в школьном журнале: плохо было мне самому и немного — чуть-чуть! — челюскинцам, которых я так подвёл.

(14)Я часами смотрю на выцветшую фотографию, на уже расплывшиеся лица тех, кого нет на этой земле: я хочу понять. (15)Ведь никто же не хотел умирать, правда?

(16)А мы и не знали, что за порогом нашего класса дежурила война. (17)Мы были молоды, а незнания молодости восполняются верой в собственное бессмертие. (18)Но из всех мальчиков, что смотрят на меня с фотографии, в живых осталось четверо.

(19)Улыбнись мне, товарищ. (20)Я забыл, как ты улыбался, извини. (21)Я теперь намного старше тебя, у меня масса дел, я оброс хлопотами, как корабль ракушками. (22)По ночам всё чаще и чаще слышу всхлипы собственного сердца: оно уморилось. (23)Устало болеть.

(24)Я стал седым, и мне порой уступают место в общественном транспорте. (25)Уступают юноши и девушки, очень похожие на вас, ребята. (26)И тогда я думаю, что не дай им Бог повторить вашу судьбу. (27)А если это всё же случится, то дай им Бог стать такими же.

(28)Между вами, вчерашними, и ими, сегодняшними, лежит не просто поколение. (29)Мы твёрдо знали, что будет война, а они убеждены, что её не будет. (30)И это прекрасно: они свободнее нас. (31)Жаль только, что свобода эта порой оборачивается безмятежностью…

(32)В девятом классе Валентина Андроновна предложила нам тему свободного сочинения «Кем я хочу стать?». (33)И все ребята написали, что они хотят стать командирами Красной Армии. (34)Да, мы искренне хотели, чтобы судьба наша была суровой. (35)Мы сами избирали её, мечтая об армии, авиации и флоте: мы считали себя мужчинами, а более мужских профессий тогда не существовало.

(36)В этом смысле мне повезло. (37)Я догнал в росте своего отца уже в восьмом классе, а поскольку он был кадровым командиром Красной Армии, то его старая форма перешла ко мне. (38)Гимнастёрка и галифе, сапоги и командирский ремень, шинель и будёновка из тёмно-серого сукна.

(39)Я надел эти прекрасные вещи в один замечательный день и не снимал их целых пятнадцать лет. (40)Пока не демобилизовался. (41)Форма тогда уже была иной, но содержание её не изменилось: она по-прежнему осталась одеждой моего поколения. (42)Самой красивой и самой модной.

(43)Мне люто завидовали все ребята. (44)И даже Искра Полякова.

—(45)Конечно, она мне немного велика, — сказала Искра, примерив мою гимнастёрку. —(46)Но до чего же в ней уютно. (47)Особенно, если потуже затянуться ремнём.

(48)Я часто вспоминаю эти слова, потому что в них — ощущение времени. (49)Мы все стремились затянуться потуже, точно каждое мгновение нас ожидал строй, точно от одного нашего вида зависела готовность этого общего строя к боям и победам. (50)Мы были молоды, но жаждали не личного счастья, а личного подвига. (51)Мы не знали, что подвиг надо сначала посеять и вырастить. (52)Что зреет он медленно, незримо наливаясь силой, чтобы однажды взорваться ослепительным пламенем, сполохи которого ещё долго светят грядущим поколениям.

(По Б. Л. Васильеву*)

* Борис Львович Васильев (1924–2013) — выдающийся русский писатель и сценарист, лауреат Государственной премии СССР. Тема Великой Отечественной войны — главная в его творчестве.

11. Из предложений 36–42 выпишите слово со значением «уволиться с военной службы в запас».

(1)Базарный Сызган. (2)Я запомнил эту станцию из-за одного пустого случая. (3)Мы простояли на запасных путях в Сызгане всю ночь. (4)Была вьюга. (5)К утру поезд сплошь залепило снегом. (6)Я пошёл со своим соседом по вагону Николашей Рудневым в вокзальный буфет купить баранок.

(7)Как всегда после вьюги, воздух был пронзительно чист и крепок.

(8)В буфете было пусто. (9)Пожелтевшие от холода цветы гортензии стояли на длинном столе, покрытом клеёнкой. (10)Пахло горелым луком и кофе.

(11)Курносая девушка в фартуке поверх кацавейки сидела, пригорюнившись, за столиком и смотрела на мальчика с землистым лицом. (12)Шея у мальчика была длинная, прозрачная и истёртая до крови воротом армяка. (13)Редкие льняные волосы падали на лоб.

(14)Мальчик, поджав под стол ноги в оттаявших опорках, пил чай из глиняной кружки. (15)Он отламывал от ломтя ржаного хлеба большие куски, потом собирал со стола крошки и высыпал их себе в рот.

(16)Мы купили баранок, сели к столику и заказали чай. (17)За дощатой перегородкой булькал закипавший самовар. (18)Курносая девушка принесла нам чай с вялыми ломтиками лимона, кивнула на мальчика в армяке
и сказала:

— Я его всегда кормлю. (19)От себя, а не от буфета. (20)Он милостыней питается. (21)По поездам, по вагонам.

(22)Мальчик выпил чай, перевернул кружку, встал, перекрестился, неестественно вытянулся и, глядя остановившимися глазами за широкое вокзальное окно, запел. (23)Пел он, очевидно, чтобы отблагодарить сердобольную девушку. (24)Пел высоким, скорбным голосом, и в ту пору песня этого мальчика показалась мне лучшим выражением сирой деревенской России. (25)Из слов его песни я запомнил очень немного.

...(26)Схоронил её
во сыром бору,
во сыром бору
под колодою,
под колодою,
под дубовою...

(27)Я невольно перевёл взгляд туда, куда смотрел мальчик. (28)Снеговая дорога сбегала в овраг между заиндевелыми кустами орешника. (29)За оврагом, за соломенными крышами овинов вился струйками к серенькому, застенчивому небу дым из печей. (30)Тоска была в глазах у мальчика — тоска по такой вот косой избе, которой у него нет, по широким лавкам вдоль стен, по треснувшему и склеенному бумагой окошку, по запаху горячего ржаного хлеба с пригоревшими к донцу угольками.

(31)Я подумал: как мало в конце концов нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, как только оно появляется.

(32)С тех пор я помногу живал в деревенских избах и полюбил их за тусклый блеск бревенчатых стен, запах золы и за их суровость. (33)Она была сродни таким знакомым вещам, как ключевая вода, лукошко из лыка или невзрачные цветы картошки.

(34)Без чувства своей страны — особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи —нет настоящего человеческого характера. (35)Это чувство бескорыстно и наполняет нас великим интересом ко всему. (36)Александр Блок написал в давние тяжёлые годы:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!

(37)Блок был прав, конечно. (38)Особенно в своём сравнении. (39)Потому что нет ничего человечнее слёз от любви, нет ничего, что бы так сильно и сладко разрывало сердце. (40)И нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, её прошлому, настоящему и будущему, к её языку, быту, к её лесам и полям, к её селениям и людям, будь они гении или деревенские сапожники.

(41)В те годы, во время службы моей на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки. (42)Я словно растворился в народном разливе, среди солдат, рабочих, крестьян, мастеровых.

(43)От этого было очень уверенно на душе. (44)Даже война не бросала никакой тревожной тени на эту уверенность. «(45)Велик Бог земли русской, — любил говорить Николаша Руднев. —(46)Велик гений русского народа! (47)Никто не сможет согнуть нас в бараний рог. (48)Будущее — за нами!»

(49)Я соглашался с Рудневым. (50)В те годы Россия предстала передо мной только в облике солдат, крестьян, деревень с их скудными достатками и щедрым горем. (51)Впервые я увидел многие русские города и фабричные посады, и все

они слились своими общими чертами в моём сознании и оставили после себя любовь к тому типичному, чем они были наполнены.

(По К. Г. Паустовскому*)

* Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) — известный русский советский писатель, классик отечественной литературы.

12. Из предложений 28–31 выпишите один фразеологизм.

(1)Андрей родился и рос в Калуге. (2)На окраине стоял бревенчатый просторный дом. (3)Запах смолы не выветривался, не уходил из него, хотя брёвна, из которых он был сложен, были очень старые.

(4)Когда приходила весна, весь дом наполнялся запахами земли, листвы, сада. (5)Комнаты были прохладные, полы крашеные, чисто вымытые, а в раскрытые окна бежал ветер.

(6)И теперь, когда Андрей стал взрослым, каждая новая весна несла ему эти незабываемые запахи его детства — земли, травы, ветра.

(7)Всё в мире открывала Андрею мать.

(8)«Послушай, как тихо», — говорила она. (9)И он понял, что тишину можно слушать.

(10)«Не зажигай света, посидим так», — просила она. (11)И он узнал, как хорошо посумерничать и помолчать вдвоём.

(12)Однажды поздней осенью они шли по лесу, по жёлтым лесным дорожкам. (13)Только выпал первый снег — тонкий, редкий, словно не снег, а изморось. (14)И вдруг мама сказала:

— Посмотри, берёзовые листья как золотые пятаки на снегу. (15)Верно? (16)А кленовые — как будто след птичьей лапки. (17)А вот дубовый, распластанный, погляди.

— (18)Как след медведя! — сказал Андрей. (19)Мать ответила радостным смехом:

— Да, да! (20)Как будто медведь прошёл!

(21)Да, видеть это, радоваться этому тоже научила его она.

(22)Он не мог бы рассказать, как она воспитывала его, он и не знал, что его «воспитывают». (23)Однажды, вернувшись из школы, он сказал:

— Мама, Елена Фёдоровна говорит: «Москвин, ты ведёшь себя примерно, я поручаю тебе после уроков приносить мне фамилии ребят, которые плохо ведут себя на перемене». (24)Что же мне делать? (25)Не стану я записывать.

(26)Мать ответила:

— Отчего же? (27)Пиши! (28)Да только всегда одну фамилию —свою собственную.

(29)Андрею стало весело — в самом деле, как хорошо и просто она придумала.

(30)А в другой раз было так. (31)Мать работала в саду — она сама выращивала цветы: ранней весной — незабудки, анютины глазки, летом — розы и флоксы, осенью — астры и георгины.

(32)Вернувшись из городского сада, где он играл с ребятами в казаки-разбойники, Андрей стоял и задумчиво глядел, как, сидя на корточках, она копается в земле. (33)Оба молчали.

(34)И вдруг, вскинув на него глаза, она спросила с мягкой насмешкой:

— А ты не устал стоять?

(35)Ему было тогда лет семь. (36)Пожалуй, никакой самый беспощадный укор не запечатлелся бы в его памяти так глубоко, как эти насмешливые слова.

(37)Однажды она рассказала Андрею историю английского капитана Скотта, который открыл Южный полюс на пятнадцать дней позже норвежца Амундсена. (38)Андрея долго не оставляла мысль о том, как они шли обратно — пятеро друзей по снежной пустыне на отяжелевших лыжах, обманутые в своей надежде, в своей мечте. (39)Подумать только: опоздать на пятнадцать дней!

(40)Он видел капитана, который, лёжа в палатке, окоченевшей рукой выводил на бумаге последние слова друзьям и родным. (41)Их нашли мёртвыми. (42)Кажется, через год. (43)Они лежали так, как их застала смерть, — обманутые, обессиленные, но не сдавшиеся. «(44)Тогда не было самолётов, — думал Андрей. — (45)Я бы сел на самолёт и полетел бы к ним. (46)Я приземлился бы и — вот она, палатка, я бегу, бегу туда, ноги вязнут в снегу…»

— (47)Капитан Скотт, — говорил он дрогнувшим голосом, — вы спасены! (48)Я советский лётчик! (49)Я прилетел за вами!

— (50)Как я рад! — отвечала за капитана Скотта мама. (51)Этот ответ казался Андрею легкомысленным, он ожидал слов более высоких, красивых, торжественных, а всё же он радовался, что она так быстро, так легко вошла в игру, не придирается, не говорит: «Тогда ещё не было советских лётчиков», — нет, ей ничего не надо объяснять.

— (52)Помогите моим друзьям, — говорит она. — (53)Они вели себя мужественно!

(54)Да, да! (55)Именно так должен был отвечать капитан! (56)Первое его слово не о себе — о друзьях!

(57)И Андрей давал отважным исследователям лекарства, сажал их в самолёт, и они летели высоко над бескрайней снежной равниной.

(58)Проснувшись утром, Андрей слышал:

— Здравствуй, милый!

(59)Так говорила она и проводила рукой по его щеке. (60)И звук этого голоса он вызывал в своей памяти всякий раз, когда ему бывало трудно, уже много времени спустя после её смерти. (61)«Здравствуй!» — это слово означало, что начинался день, что они будут вместе. (62)И сейчас, уже взрослым, увидев чашку с молоком, он вспоминал ту, белую в красных горошинах чашку, которая ждала его когда-то на кухонном столе. (63)Придя из школы, он останавливался у порога и переобувался, чтобы не наследить
в комнатах. (64)И горячая плита, и потрескиванье дров, и чашка с молоком,
и простое слово «Здравствуй!» — всё это наполняло его ощущением покоя.

(По Ф. А. Вигдоровой*)

* Фрида Абрамовна Вигдорова (1915—1965) — советская писательница, журналист.

13. Из предложений 22−29 выпишите один фразеологизм.

(1)Это было утром. (2)Командир батальона Кошелев позвал к себе Семёна Школенко и объяснил, как всегда без долгих слов:

— «Языка» надо достать.

— (3)Достану, — сказал Школенко.

(4)Он вернулся к себе в окоп, проверил автомат, повесил на пояс три диска, приготовил пять гранат, две простые и три противотанковые, положил их в сумку, потом огляделся и, подумав, взял припасённую в солдатском мешке медную проволочку и спрятал её в карман. (5)Идти предстояло вдоль берега. (6)После утреннего дождя земля ещё не просохла, и на тропке были хорошо видны уходившие в лес следы.

(7)Впереди были заросли. (8)Школенко пополз через них налево; там виднелась яма, кругом неё рос бурьян. (9)Из ямы, в просвете между кустами бурьяна, был виден стоявший совсем близко миномёт и на несколько шагов подальше — ручной пулемёт: один немец стоял у миномёта, а шестеро сидели, собравшись в кружок, и ели из котелков.

(10)Торопиться было незачем: цель была на виду. (11)Он прочно упёрся левой рукой в дно ямы, вцепился в землю так, чтобы рука не скользнула, и, приподнявшись, швырнул гранату. (12)Когда он увидел, что шестеро лежат неподвижно, а один, тот, который стоял у миномёта, продолжает стоять около него, удивлённо глядя на изуродованный осколком гранаты ствол, Школенко вскочил и, вплотную подойдя к немцу, не сводя
с него глаз, знаками показал, чтоб тот отстегнул у себя парабеллум и бросил на землю, чтоб взвалил пулемёт на плечи. (13)Немец послушно нагнулся
и поднял пулемёт. (14)Теперь у него были заняты обе руки.

(15)Так они и пошли обратно — впереди немец со взваленным на плечи пулемётом, сзади Школенко.

(16)На командный пункт батальона Школенко добрался только после полудня.

— (17)Хорошо, — сказал командир полка, — одну задачу, — он кивнул на капитана Кошелева, — вы выполнили, теперь выполните мою: вы должны узнать, где стоят их остальные миномёты.

— (18)Узнаю, — коротко сказал Школенко, — один пойду?

— (19)Один, — сказал Кошелев.

(20)Школенко посидел примерно с полчаса, вскинул автомат и, уже не добавляя гранат, снова пошёл в ту сторону, что и утром.

(21)Теперь он взял правее деревни и ближе к реке, прячась в росших по обочинам дороги кустах. (22)Идти пришлось по длинной лощине, пробираясь сквозь густой, царапавший руки и лицо орешник, через мелколесье. (23)Возле большого куста были хорошо видны три миномёта, стоявшие в балке.

(24)Школенко лёг плашмя и вытащил бумагу, на которой он заранее решил начертить для точности, где именно стоят миномёты. (25)Но в ту секунду, когда он принял это решение, семеро немцев, стоявших у миномётов, подошли друг к другу и сели у ближнего к Школенко миномёта, всего в восьми метрах от него. (26)Решение родилось мгновенно, может быть, так мгновенно оттого, что только сегодня, в точно такой же обстановке, ему уже один раз повезло. (27)Взрыв был очень сильным, и немцы лежали убитые. (28)Неожиданно в двух десятках шагов от него в кустах сильно зашуршало. (29)Прижав к животу автомат, Школенко пустил туда длинную очередь веером, но из кустов вместо немцев выскочил его хороший знакомый Сатаров, боец 2-го батальона, несколько дней тому назад взятый в плен. (30)Вслед за ним из кустов вышли ещё шестнадцать человек. (31)Трое были окровавлены, одного из них поддерживали на руках.

— (32)Ты стрелял? — спросил Сатаров. — (33)Вот, поранил их, — показал Сатаров рукой на окровавленных людей. — (34)А где же все?

— (35)А я один, — ответил Школенко. — (36)А вы тут что?

— (37)Мы могилу себе рыли, — сказал Сатаров, — нас двое автоматчиков стерегли, они, как услышали взрыв, убежали. (38)А ты, значит, один?

— (39)Один, — повторил Школенко и посмотрел на миномёты. — (40)Скорее миномёты берите, сейчас к своим пойдём.

(41)Он шёл сзади вырученных им из плена и видел окровавленные тела раненых, и горькое выражение появлялось на его лице.

(42)Через полтора часа они дошли до батальона. (43)Школенко отрапортовал и, выслушав благодарность капитана, отошёл на пять шагов
и ничком лёг на землю. (44)Усталость сразу навалилась на него: открытыми глазами он смотрел на травинки, росшие около, и казалось странным, что он вот живёт, и кругом растёт трава, и всё кругом такое же, как было.

(По К. М. Симонову*)

* Константин Михайлович Симонов (1915—1979) — русский советский журналист и прозаик, киносценарист.

14. Из предложений 15–19 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)В солнечный день я приехал в старинный посёлок Гусь-Железный полюбоваться на озеро, искупаться, поплавать в нём. (2)Доехал до речки, поднялся на бугор, глянул и... (3)О ужас! (4)Нет озера. (5)По широкой впадине, окаймлённой дальней опушкой бывшего прибрежного леса, текла, извиваясь, узкая, местами пересыхающая речушка. (6)И старинной плотины, высокой, кирпичной, с чугунными шлюзами, в тёмных казематах которой, по преданию, разбойная братия чеканила фальшивые деньги, тоже не было. (7)Шлюзы, регулировавшие сток, убрали, засыпали — и затянуло озеро тиной да ряской. (8)На месте этом проходила теперь обыкновенная дорожная насыпь; дорога делала крутой поворот, огибала белый двухэтажный барский дом, похожий на длинную казарму, заломанный чахлый парк и снова вырывалась на простор.

(9)Главный врач детского санатория, размещённого в барском доме, показал мне давние фотографии этого исчезнувшего озера, высокой кирпичной плотины, торговых рядов с доисторическими портиками, он водил по внутренним покоям огромного дома, заново перегороженного, приспособленного для иных надобностей. (10)Переделка и ремонт когда-то выполнены были наспех: половицы скрипят и хлябают под ногами, двери перекошены, в оконные рамы задувает свежий ветерок.

— (11)Сохранилась хоть одна комната от давнего времени? — спросил я. — (12)С полами, дверями и окнами?

— (13)Полы, двери и прочее — всё порастащили. (14)А вот стены и потолок сохранились в одном месте. (15)Идёмте, покажу.

(16)Он ввёл меня в зал, кажется, в теперешнюю столовую, с белыми строгими пилястрами, с лепным потолком.

— (17)Полы здесь были, говорят, из наборного паркета, двери из орехового дерева с бронзовой инкрустацией, люстра позолоченная висела.

— (18)Жалко, — говорю, — что не сохранилось всё это.

— (19)О чём жалеть? (20)Архитектурной ценности этот дом не имеет, — сказал доктор.

(21)Я взглянул на него с удивлением. (22)Не шутит ли? (23)Нет, смотрит прямо в глаза, даже с каким-то вызовом. (24)Задиристый хохолок на лысеющем лбу топорщится, как петушиный гребешок.

— (25)Как не имеет ценности? — говорю. — (26)Это ж дом! (27)Большой, крепкий, красивый, полный когда-то дорогого убранства.

— (28)Барские покои, и больше ничего. (29)Таких в России тысячи.

— (30)Так ведь и народу нашему пригодились бы такие покои.

— (31)Людям нашим нужны другие ценности. (32)Вы ещё храм пожалейте. (33)Теперь это модно.

— (34)А что, не жаль храма?

— (35)И храм цены не имеет. (36)Архитектура путаная. (37)Специалисты приезжали, говорят — эклектика. (38)Потом, правда, всё-таки восстановили храм этот.

— (39)И парка не жаль?

— (40)Парк — природа, и больше ничего. (41)В одном месте убавилось, в другом прибавилось. (42)В любую минуту его насадить можно.

(43)Мы стояли возле окна, внизу под нами раскинулся обширный посёлок.

— (44)Смотрите, — говорю, — сколько домов. (45)Приличные дома, большинство новых.

— (46)Здесь живёт в основном торговый люд, кто чем торгует, работы хватает.

— (47)Вот и хорошо, — говорю. — (48)Увеличился посёлок за полвека?

— (49)Увеличился.

— (50)А теперь подумайте вот о чём: раньше, ну хоть ещё в тридцатые годы, здесь меньше жило народу, но успевали не только свои рабочие дела делать. (51)Ещё и плотину чинили, озеро в берегах держали и парк обихаживали. (52)А теперь что ж, времени на это не хватает или желания нет?

— (53)А это, — говорит, — знакомый мотив. (54)Это всё ваше писательское ворчание. (55)Что озеро спустили — это вы заметили. (56)Что над каждой крышей телевизионная тарелка поставлена — этого вы не замечаете.

(57)Спорить с ним трудно, почти невозможно: доводы ваши он не слушает, только глаза навострит, тряхнёт головой и чешет без запинки, как будто доклад читает…

— (58)Есть писатели-патриоты. (59)Их книги читают, фильмы по книжкам их смотрят наравне с футболом и хоккеем, потому что яркие, незабываемые образы. (60)А есть писатели-ворчуны, которые всем недовольны. (61)И всё им что-то надо. (62)Вот одного такого лечили, а он нас же, медиков, опозорил в своём последнем сочинении. (63)За что, спрашивается?

(64)Да, не раз вспомянешь в дальней дороге бессмертного писателя земли русской Николая Васильевича Гоголя: «Россия такая уж страна — стоит высмеять одного околоточного надзирателя, как вся полиция обидится».

(По Б. А. Можаеву*)

* Борис Андреевич Можаев (1923—1996) — советский и российский писатель.

15. Из предложений 1–5 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Волнующая это вещь — ощутить великую этику, давшую миру бессмертных героев, в поведении и образе мышления окружающих нас сегодня «обыкновенных» людей. (2)Но чтобы почувствовать это, нужны усилия мысли и сердца: в потоке дней, в повторяющихся мелочах иногда утрачивается ощущение социальной объёмности жизни, начинаешь воспринимать её не стереоскопически, а в совершенно искусственном, механическом делении на «будничное сегодня» и «легендарное позавчера». (3)В «будничном сегодня» живёт будто бы ничем не замечательный человек: сослуживец, попутчик, сосед по даче, а в «легендарном позавчера» жили Томас Мор, Кампанелла, декабристы, герои революции. (4)И та минута, когда в «обыкновенном» современнике узнаёшь черты легендарного героя, даёт урок мудрости.

(5)Для Радищева высшая радость, как известно, состояла в том, чтобы «соучастником быть во благоденствие себе подобных».

(6)И вот эти самые, казалось бы, музейно-величавые слова я услышал однажды от детского хирурга, доктора медицинских наук В. И. Францева, и относились они не к легендарной, отдалённой от нас столетиями личности, а к рабочему-лекальщику Сергею Степановичу Павлову. (7)Он создал уникальный хирургический инструмент, помогающий при операциях на сердце, — инструмент, который до этого хорошо делали только в Англии, где мы и покупали его.

(8)Размеры инструмента, его суть Павлов узнал от инженера, сына которого оперировали в одной из московских клиник. (9)Павлов работал над инструментом вечерами и по выходным дням в течение ряда лет. (10)Когда с ним заговорили о денежном вознаграждении, ибо ценность его работы измерялась не только исцелёнными жизнями, но и сэкономленным государству золотом, Павлов ответил: «Лучше покажите мне двух человек, которым помог мой инструмент».

(11)Именно эти его слова, напомнив «музейную» фразу Радищева, сообщали событию легендарное освещение, открывали ту объёмность видения, без которой событие это философски непонятно.

(12)Творческая ли личность Павлов? (13)Вопрос риторический!

(14)А вот человек, ничего удивительного, яркого не создавший, «самый-самый обыкновенный», — ну, обыкновеннее не бывает! — творческая ли он личность? (15)Ответить на это сложнее.

(16)Что такое творчество? (17)Самый распространённый ответ: творчество — это рождение чудесной новизны, появление новых великих художественных и материальных ценностей, которые украшают мир. (18)Именно так отвечают и многие философы, и большинство «обыкновенных» людей, нефилософов, задумывающихся над собственной жизнью, над тем, что они могут дать миру.

(19)А между тем в этом ответе есть глубочайшее заблуждение. (20)Оно станет понятным, если вообразить трёхмиллиардное человечество разделённым на две неравные части: небольшую — избранных людей, одарённых Божьей искрой, обладающих большими, яркими талантами, которые действительно украшают мир, радуют нас книгами, симфониями, научными открытиями. (21)И рядом — его большая часть, состоящая из «обыкновенных», «рядовых» людей. (22)Им будто бы и не дано рождать ту самую чудесную новизну, которая сопряжена у нас с самим пониманием творчества.

(23)Однако слова «творческая личность» по существу тавтология. (24)Если личность — то непременно творческая! (25)Творчество возможно и в самой скромной, самой будничной форме. (26)Это может быть слово, это может быть улыбка, которая несёт кому-то радость. (27)Я думаю, что и домашняя хозяйка, которая сообщила дому какой-то обаятельный уклад, — она тоже творец. (28)И водитель автобуса, который, видя, что в машине много старых людей, ведёт её особенно бережно, — и он творец.

(29)И учитель, который входит в класс с такой глубокой готовностью передать лучшее, что у него есть за душой, детям, что они это ощущают как бы растворённым в воздухе, — он творец, несомненно…

(30)Людей бездарных — без дара — не бывает. (31)Личностями, как и поэтами, не рождаются. (32)Ими делаются, как ораторами и солдатами. (33)А точнее, и рождаются, и делаются.

(По Е. М. Богату*)

* Евгений Михайлович Богат (1923—1985) — советский журналист, писатель.

16. Из предложений 19–22 выпишите один фразеологизм.

(1)Был осенний серенький день в конце листопада. (2)И серенькое настроение. (3)Я пришёл в Тимирязевский парк прогуляться.

(4)Пустынно было в парке и тихо. (5)И вдруг из леса через дорогу в пяти шагах от меня проследовал заяц. (6)Он не пробежал, а медленно пропрыгал мимо, удостоив меня лишь косым взглядом. (7)Невдалеке от меня он остановился, поскрёб за ухом длинной задней ногой и тихо-мирно упрыгал в кусты. (8)Эко событие, скажете. (9)Однако настроение моё сразу переменилось. (10)Я шёл, посвистывая, вспоминал зайца, представляя, что он сейчас делает. (11)Дома за чаем опять зайца вспомнил. (12)И стало на душе хорошо и тепло.

(13)Явление это обычное. (14)Пойдёшь с рюкзаком за город и, если ничего живого за день не усмотрел, возвращаешься хоть и довольный ходьбой, но всё-таки с ощущением, что чего-то важного не было. (15)Этим важным может быть утка, с треском и кряканьем взлетевшая из-под ног с маленького пруда. (16)Это могут быть увлекательные, захватывающие сцены поединка двух летунов — легкокрылой стрекозы и длиннохвостой сороки. (17)Или вдруг в бинокль увидел: трудолюбивый дятел таскает птенцам в дуплянку не личинок, а созревшие ягодки земляники.

(18)Всё живое, тесно переплетённое множеством связей, являет собой чудо с названием Жизнь, очень возможно, единственную в бескрайней Вселенной. (19)Всякое проявление жизни даёт ощущение радости бытия. (20)Из всех человеческих ценностей главная ценность — сама жизнь с восходом солнца, с облаками, пением птиц, кваканьем лягушек, трюканьем сверчка и шелестом трав.

(21)Образы природы сопровождают людей с самой глубокой древности. (22)Сцены охоты древние люди оставили нам в наследство на стенах пещер, на камнях в виде скупых царапин, изображающих лосей, кабанов, туров. (23)Нынешняя техника даёт возможность увидеть зверей и птиц в естественных красках и обстановке. (24)Мы видим эпизоды их жизни, и в душе появляется тёплое чувство. (25)Они где-то есть, эти звери, они ещё бегают, рычат, прячутся или проявляют, как и мы, люди, любопытство…

(26)Желая испытать это тёплое чувство, на городских этажах мы держим кошек, собак, попугаев, белок, рыбок в аквариуме. (27)Врачи говорят, что поглаживание кошки или кормление синицы с ладони целительны для человеческой психики. (28)Заяц, встреченный в парке, исправил моё настроение. (29)А сколько случаев, когда человека с жизнью связывает только ниточка общения с собакой, с обыкновенными воробьями или воронами!

(30)Бывшая работница нашей редакции время от времени по телефону докладывает мне о жизни ворон во дворе, о том, что они любят есть, как безошибочно узнают её в массе людей.

(31)А старушка у нас во дворе каждое утро носит воробьям крошки. (32)И я вижу радость на лице женщины, наблюдающей, как суетливые птички подбирают рассыпанный корм. (33)Иногда мне кажется: не прилетят воробьи к её выходу из подъезда, и старушка умрёт от обрыва последней ниточки, соединяющей её с жизнью. (34)Как-то мы разговорились с ней,
и она призналась, что ни разу не видела в жизни, как пролетают и кричат журавли. (35)Я рассказал ей, как журавли весною танцуют, разбившись на пары, и кричат так, что голоса их сливаются в один торжествующий звук любви. (36)Старушка слушала внимательно и, прощаясь, сказала три слова: «Какой вы счастливый…» (37)Яснополянский мудрец писал то же самое
в дневниках: «Счастье — это быть с природой, видеть её, говорить с ней».

(По В. М. Пескову*)

* Василий Михайлович Песков (1930—2013) — советский и российский писатель, журналист, фотокорреспондент, путешественник.

17. Из предложения 30 выпишите один фразеологизм.

(1)И всё-таки у Природы как целого, как единого творца есть свои любимцы, в которые она при строительстве вкладывает особенное старание, которые отделывает с особенным тщанием и наделяет особенной властью. (2)Таков, вне всякого сомнения, и Байкал. (3)Не зря его называют жемчужиной Сибири. (4)Не будем сейчас говорить о его богатствах, это отдельный разговор. (5)Байкал славен и свят другим: своей чудесной животворной силой, духом не былого, не прошедшего, как многое ныне, а настоящего, неподвластного времени и преобразованиям, исконного величия и заповедного могущества, духом самородной воли и притягательных испытаний.

(6)Вспоминаю, как мы с товарищем моим, приехавшим ко мне в гости, долго шли и далеко ушли вдоль берега по старой Кругобайкальской дороге, одному из самых красивых и ярких мест южного Байкала. (7)Был август – лучшее, самое благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда, кажется, даже камень цветёт, полыхая красками. (8)Когда солнце до блеска высвечивает снова выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности. (9)Когда уже и впрок запасся Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто, спокойно, набираясь сил для осенних штормов. (10)Когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая – то малина, то смородина, красная и чёрная, то жимолость...

(11)А тут ещё и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит, Байкал чист, и далеко в воде поблёскивают и переливаются красками камни, на дорогу то пахнёт нагретым и горчащим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то неосторожно донесёт прохладным и резким дыханием с озера.

(12)Всё, что отпущено человеку для впечатлений, в товарище моём было очень скоро переполнено, и он, не в состоянии уже больше удивляться и восхищаться, замолчал. (13)Я продолжал говорить. (14)Я рассказывал, как, впервые попав в студенческие годы на Байкал, был обманут прозрачностью воды и пытался рукой достать с лодки камешек, до которого затем при замере оказалось больше четырёх метров. (15)Товарищ принял этот случай безучастно. (16)Несколько уязвленный, я сообщил, что в Байкале удаётся видеть и за сорок метров – и, кажется, прибавил, но он и этого не заметил, точно в Москве-реке, мимо которой он ездит в машине, такое возможно сплошь и рядом. (17)Только тогда я догадался, что с ним: скажи ему, что мы за двести – триста метров в глубину на двухкопеечной монете читаем в Байкале год чеканки, – больше, чем удивлён, он уже не удивится.

(18)Он был полон, как говорится, с крышкой.

(19)Помню, его доконала в тот день нерпа. (20)Она редко подплывает близко к берегу, а тут, как по заказу, нежилась на воде совсем недалеко, и, когда я, заметив, показал на неё, у товарища вырвался громкий и дикий вскрик, и он вдруг принялся подсвистывать и подманивать, словно собачонку, нерпу руками. (21)Она, разумеется, тотчас ушла под воду, а товарищ мой в последнем изумлении от нерпы и от себя опять умолк, и на этот раз надолго. (22)Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами – в нём всё крупно, всё широко, привольно и загадочно, а он, напротив, возвышает его. (23)Редкое чувство приподнятости и одухотворённости испытываешь на Байкале, словно в виду вечности и совершенства и тебя коснулась тайная печать этих волшебных понятий, и тебя обдало близким дыханием всесильного присутствия, и в тебя вошла доля магического секрета всего сущего. (24)Ты уже тем, кажется, отмечен и выделен, что стоишь на этом берегу, дышишь этим воздухом и пьёшь эту воду.

(25)Вернувшись однажды с обычной прогулки, Л. Н. Толстой записал: «Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в человеке чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? (26)Всё недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра».

(По В. Г. Распутину*)

* Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015) – русский советский писатель и публицист, общественный деятель; один из наиболее значительных представителей «деревенской прозы».

18. Из предложений 12–16 выпишите один фразеологизм.

— (1)Танки пошли, лейтенант! — крикнул Щербак. (2)Саня Малешкин даже не успел сообразить, что ему делать, как в наушниках раздался отрывистый и совершенно незнакомый голос комбата: «Вперёд!»

— (3)Вперёд! — закричал Саня и прилип к панораме.

(4)Внезапно справа и слева захлопали пушки. (5)Выстрелы звучали резко и сухо, как будто где-то поблизости кололи дрова. (6)Танк лейтенанта Доронина тоже начал стрелять. (7)Саня приказал Щербаку отъехать в сторону и открыть огонь.

(8)Саня, в сущности, плохо понимал, что происходит. (9)Комбат приказал не вырываться вперёд и двигаться за танками в ста метрах. (10)Щербак же повис на хвосте впереди идущей машины. (11)Тридцатьчетвёрка шла зигзагами, стреляя на ходу. (12)За ней тоже зигзагами вёл самоходку Щербак. (13)Саня не видел поля боя: мешала тридцатьчетвёрка. (14)Он приказал Щербаку отстать или свернуть в сторону. (15)Щербак, не ответив, продолжал плестись за танком.

(16)Вдруг суматошно закричали солдаты-десантники. (17)Саня метнулся к люку: автоматчики скатывались с машин. (18)Перед самоходкой на одной гусенице вертелся танк. (19)Механик-водитель пытался вывалиться из люка, но за что-то зацепился, повис и тоже вертелся вместе с машиной и дико кричал. (20)Из башни вырвался острый язык огня, окаймлённый чёрной бахромой, и танк заволокло густым смолистым дымом. (21)Ветер подхватил дым и тёмным лохматым облаком потащил по снегу в село.

«(22)Что же я стою? (23)Сейчас и нас так же... — мелькнуло в голове Малешкина. — (24)Надо двигаться...»

— (25)Вперёд, Щербак!

(26)Щербак повернулся к Малешкину. (27)Саня не узнал своего водителя. (28)У него в эту минуту лицо было без кровинки, словно высеченное из белого камня.

— (29)Вперёд, Гриша! (30)Вперёд, милый! (31)Нельзя стоять! — упрашивал Саня.

(32)Щербак не пошевелился. (33)Малешкин вытащил из кобуры пистолет.

— (34)Вперёд, гад, сволочь, трус! — кричали на водителя наводчик с заряжающим.

(35)Щербак смотрел в дуло пистолета, и страха на его лице не было. (36)Он просто не понимал, чего от него хотят. (37)Саня выскочил из машины, подбежал к переднему люку и спокойно приказал:

— Заводи, Щербак.

(38)Щербак послушно завёл. (39)Саня, пятясь, поманил его на себя. (40)Самоходка двинулась.

— (41)За мной! — закричал младший лейтенант Малешкин и, подняв пистолет, побежал по снегу к селу.

(42)В эту минуту Саня даже не подумал, что его легко и так просто могут убить. (43)Одна мысль сверлила его мозг: «Пока горит танк, пока дым — вперёд, вперёд».

(44)В небо взлетела зелёная ракета — танки повернули назад. (45)Малешкин не видел этой ракеты. (46)Он бежал не оглядываясь. (47)Он видел только село. (48)Там фашисты... (49)Их надо выбить! (50)Таков был приказ. (51)И он этот приказ выполнял.

(52)Пригнувшись, он бежал и бежал. (53)Бежать по присыпанной снегом пашне было очень тяжело. (54)Ломило спину, рубашка прилипла к телу, пот заливал глаза. (55)«Только бы не упасть, только бы не упасть». (56)Он оглянулся. (57)Самоходка наступала ему на пятки. (58)Саня побежал быстрее.

— (59)Лейтенант, лейтенант! — услышал он голос Щербака. — (60)Садись, я сам поеду. (61)Теперь не страшно.

…(62)Закончился бой. (63)Горели вражеские танки. (64)Полковник Дей слез с танка и ехидно спросил:

— А почему вы, Малешкин, в село впереди машины бежали?

(65)Саня не знал, что ответить. (66)Сказать правду — значит с головой выдать Щербака. (67)Полковник Дей в ожидании ответа с любопытством разглядывал Малешкина.

(68)Саня поднял на полковника глаза и виновато улыбнулся:

— Очень замёрз, товарищ полковник, вот и побежал, чтоб согреться.

(69)Поверил ли словам Малешкина Дей, трудно сказать. (70)Только вряд ли. (71)Он повернулся к Беззубцеву и скрипучим, железным голосом приказал:

— Комбат, доложите в свой штаб, чтобы Малешкина представили к Герою, а экипаж — к орденам. — (72)И, уловив в глазах комбата удивление, ещё жёстче проскрипел:

— Да, именно к Герою. (73)Если б не Малешкин, кто знает, чем бы всё это кончилось!

(74)Полковник Дей резко повернулся и пошёл своей прыгающей, птичьей походкой.

(По В. А. Курочкину*)

* Виктор Александрович Курочкин (1923—1976) — русский советский писатель.

19. Из предложений 8–18 выпишите один фразеологизм.

(1)Как и когда родилась моя страсть к путешествиям, любовь к природе, к своей земле?

(2)В голубые, ясные дни детства мною владела мечта о дальних скитаниях, о счастливых сказочных странах. (3)На крыльях воображения уносился я далеко над землёю, подо мной проплывали снежные горы, голубые моря и леса, серебряные реки и озёра. (4)С особенным чувством смотрел я на пролетавших журавлей: птицы, их радостная свобода манили меня. (5)Недаром весною, в дни пролёта птиц, с особенной силой тянуло меня странствовать. (6)Весною — уже взрослым — обычно отправлялся я в самые далёкие и удачные путешествия.

(7)Бывалого человека, меня и теперь радостно волнуют, неудержимо притягивают обширные просторы родной русской природы. (8)Люди, не порывающие связи с природой, не могут почувствовать себя вполне одинокими. (9)Как в мечтательном детстве, по-прежнему раскрыт перед ними прекрасный солнечный мир. (10)И, как в далёкие дни детства, над головою усталого путника, прилёгшего отдохнуть после утомительного похода, колышутся белые и золотые цветы, а высоко в небе кружит, высматривая добычу, ястреб. (11)Что видит он с небесной голубой высоты? (12)Быть может, запавшим в зелёной меже белоголовым зайчонком видится ему маленький мальчик с выгоревшей на солнце открытою головою?

(13)Я лежу в зелёной траве, вдыхаю влажный запах земли и растений, вижу, как по коленчатым стеблям высоких травинок неторопливо движутся насекомые. (14)В высоком летнем небе повисло пушистое белое облако. (15)Я прищуриваю глаза, и мне кажется, что плывёт по небу сказочное белое чудовище на золочёных распахнувшихся крыльях.

(16)Отлежавшись в пахучей траве, налюбовавшись золотистыми летними облаками, недвижно застывшими в небесном океане, с новым приливом сил поднимаюсь с тёплой родимой земли, чтобы продолжать свой путь среди цветущего мира.

(17)Скромная природа тех мест, где я провёл первые годы моей сознательной жизни, не блистала пышною красою. (18)Здесь не было величественных гор и скал, окружённых облаками, эффектных, соблазнительных для художников, потрясающих панорам. (19)Это был обычный русский простор: поля, леса, деревни с соломенными и деревянными кровлями, поросшими бархатным мхом, с тусклыми маленькими оконцами, из которых выглядывали лица людей. (20)Едешь, едешь, бывало, десятки вёрст, и как бы не изменяется, почти не движется окружающий тебя пейзаж. (21)Подчёркивая застывшую неподвижность июльского дня, поют, заливаясь, полевые кузнечики. (22)Их тонкий оглушительный звон непрерывно преследует путника, тихо бредущего вдоль наезженной, пыльной дороги. (23)Чудесным, полным бурной радостной жизни казался мне этот знакомый и родной мир.

(24)Ещё в годы раннего детства хранил я тайную мечту — увидеть и обойти мир. (25)С величайшим увлечением отдавался чтению книг, в которых описывались похождения отважных охотников-следопытов. (26)Воображение с необычайною силою переносило меня в далёкие страны. (27)Закрыв глаза, я предавался страстным мечтаниям и уже видел себя путешественником, искателем приключений. (28)Я мечтал о будущих путешествиях, беспечно и весело пролетая над расстилавшейся подо мною любимой землёю.

(29)Описанные в книгах подвиги и приключения волновали меня необычайно. (30)Отрываясь от книги, я как бы своими глазами видел стальные доспехи, сверкающие шлемы, мечи — вызванные воображением видения обступали меня, действительность мешалась подчас со сновидениями. (31)Во снах я видел описанных в книге богатырей, страшных чудовищ, сражался с ними и побеждал.

(32)Трудно представить теперь чудесную игру воображения, которая владела мною в детстве. (33)Коня с мочальною гривой представлял я живым, горячим скакуном-иноходцем. (34)Пламя и дым вырываются из ноздрей коня, с серебряных удил падает клочьями пена. (35)Выструганный из лучины меч был настоящий богатырский меч-кладенец. (36)С несокрушимою силою поражал я несметную вражескую рать, под ударами игрушечного меча слетали с высокой разросшейся крапивы пушистые вражеские головы. (37)Вражеская рать лежала поверженной на поле брани. (38)Вложив «окровавленный» меч в ножны, я гордо возвращался в заветный свой уголок.

(39)Немногие из нас, взрослых, сохранили эту чудесную способность преображаться. (40)Редки и счастливы посещающие нас мгновения, когда мы опять можем почувствовать себя детьми. (41)В дальних скитаниях при встрече с любезными сердцу людьми переживаю я прежнее счастье, по-прежнему крепко и радостно бьётся моё сердце.

(По И. С. Соколову-Микитову*)

* Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892—1975) — русский советский писатель и журналист, автор повестей и рассказов, путевых очерков о природе, путешествиях и людях труда.

20. Из предложений 35–38 выпишите один фразеологизм.

— (1)Кто ты?

— (2)Человек.

— (3)Какой человек? (4)Чем отличаешься от других?

— (5)Я таких-то родителей сын, дочь, я старый, я молодой, я богатый, я бедный.

(6)Каждый из нас особенный от всех других людей человек: мужчина, женщина, старик, мальчик, девочка; и в каждом из нас, особенном человеке, живёт во всех одно и то же во всех духовное существо, так что каждый из нас вместе и Иван, и Наталья, и одно и то же во всех духовное существо.

(7)И когда мы говорим: я хочу, то иногда это значит то, что хочет этого Иван или Наталья, — иногда же то, что хочет этого то духовное существо, которое во всех одно. (8)Так что бывает так, что Иван или Наталья хочет чего-нибудь одного, а духовное существо, которое живёт в них, не хочет этого, а хочет совсем другого.

(9)Кто-то подходит к двери. (10)Я спрашиваю: «Кто там?» (11)Отвечают: «Я». — (12)«Кто я?» — (13)«Да я», — отвечает тот, кто пришёл. (14)А пришёл крестьянский мальчик. (15)Он удивляется тому, что можно спрашивать о том, кто это я. (16)Он удивляется потому, что чувствует в себе то единое духовное существо, которое одно во всех, и потому удивляется тому, что можно спрашивать о том, что должно быть известно всякому.

(17)Говорить, что то, что мы называем собою, есть только тело, что и мой разум, и моя душа, и моя любовь — всё только от тела, — говорить так всё равно, что говорить, что то, что мы называем нашим телом, есть только та пища, которой питается тело. (18)Правда, что тело моё — это только переделанная телом пища и что без пищи не было бы тела, но тело моё не пища. (19)Пища — это то, что нужно для жизни тела, но не тело.

(20)То же и про душу. (21)Правда, что без моего тела не было бы того, что я называю душой, но всё-таки душа моя не тело.(22)Тело только нужно для души, но тело не душа. (23)Не было бы души, я бы и не знал, что такое моё тело.

(24)Начало жизни не в теле, а в душе.

(25)В каждом человеке живут два человека: один слепой, телесный, а другой зрячий, духовный. (26)Один — слепой человек — ест, пьёт, работает, отдыхает, плодится и делает всё это, как заведённые часы. (27)Другой — зрячий, духовный человек — сам ничего не делает, а только одобряет или не одобряет то, что делает слепой, животный человек.

(28)Зрячую, духовную часть человека называют совестью. (29)Эта духовная часть человека, совесть, действует так же, как стрелка компаса. (30)Стрелка компаса двигается с места только тогда, когда тот, кто несёт её, сходит с того пути, который она показывает. (31)То же и с совестью: она молчит, пока человек делает то, что должно. (32)Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился.

(33)Когда мы слышим про то, что человек сделал что-нибудь дурное, мы говорим: совести у него нет.

(34)Что же такое совесть?

(35)Совесть — это голос того единого духовного существа, которое живёт во всех.

(36)Совесть — это сознание того духовного существа, которое живёт во всех людях. (37)И только тогда, когда она такое сознание, она верный руководитель жизни людей. (38)А то часто люди считают за совесть не сознание этого духовного существа, а то, что считается хорошим или дурным теми людьми, с которыми они живут.

(39)Голос страстей может быть громче голоса совести, но голос страстей совсем другой, чем тот спокойный и упорный голос, которым говорит совесть. (40)И как ни громко кричат страсти, они всё-таки робеют перед тихим, спокойным и упорным голосом совести. (41)Голосом этим говорит то вечное, что живёт в человеке.

(42)Философ И. Кант говорил, что две вещи больше всего удивляют его. (43)Одно — это звёзды на небе, а другое — это закон добра в душе человека.

(44)Истинное доброе в тебе самом, в твоей душе!

(По Л. Н. Толстому*)

* Лев Николаевич Толстой (1828—1910) — всемирно известный русский писатель, мыслитель и просветитель.

21. Из предложений 9–16 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Памятников архитектуры в Москве уничтожено более четырёхсот, так что я слишком утомил бы вас, если бы взялся за полное доскональное перечисление. (2)Жалко и Сухареву башню, построенную в XVII веке. (3)Проблему объезда её автомобилями можно было решить по-другому, пожертвовав хотя бы угловыми домами на Колхозной (тогда) площади (универмаг, хозяйственный магазин, книжный магазин). (4)Жалко и Красные, и Триумфальные ворота.

(5)А знаете ли, что площадь Пушкина украшал древний Страстной монастырь? (6)Сломали. (7)Открылся чёрно-серый унылый фасад. (8)Этим ли фасадом должны мы гордиться как достопримечательностью Москвы? (9)Никого не удивишь и сквером, и концертным залом «Россия» на месте Страстного монастыря.

(10)Сорок лет строилось на народные деньги (сбор пожертвований) грандиозное архитектурное сооружение − храм Христа Спасителя. (11)Он строился как памятник непокорённости московской перед сильным врагом, как памятник победы над Наполеоном. (12)Великий русский художник Василий Суриков расписывал его стены и своды. (13)Это было самое высокое и самое величественное здание в Москве. (14)Его было видно с любого конца города. (15)Здание не древнее, но оно организовывало наряду с ансамблем Кремля архитектурный центр нашей столицы. (16)Сломали... (17)Построили плавательный бассейн. (18)И лишь в середине девяностых опять всем миром храм отстроили заново.

(19)Разрушая старину, мы всегда обрываем корни.

(20)У дерева каждый корешок, каждый корневой волосок на учёте, а уж тем более те корневища, что уходят в глубочайшие водоносные пласты. (21)Как знать, может быть, в момент какой-нибудь великой засухи именно те, казалось бы, уже отжившие, корневища подадут наверх, где листья, живую спасительную влагу.

(22)Ужасная судьба постигла великолепное Садовое кольцо. (23)Представьте себе на месте сегодняшних московских бульваров голый и унылый асфальт во всю их огромную ширину. (24)А теперь представьте себе на месте голого широкого асфальта на Большом Садовом кольце такую же зелень, как на уцелевших бульварах.

(25)Казалось бы, в огромном продымлённом городе каждое дерево должно содержаться на учёте, каждая веточка дорога. (26)И действительно, сажаем сейчас на тротуарах липки, тратим на это много денег, усилий и времени. (27)Но росли ведь готовые вековые деревья. (28)Огромное зелёное кольцо (Садовое кольцо!) облагораживало Москву. (29)Правда, что при деревьях проезды и справа, и слева были бы поуже, как, допустим, на Тверском бульваре либо на Ленинградском проспекте. (30)Но ведь ездят же там автомобили. (31)Кроме того, можно было устроить объездные пути параллельно Садовому кольцу, тогда сохранилось бы самое ценное, что может быть в большом городе, — живая зелень.

(32)Если говорить строже и точнее, на месте уникального, пусть немного архаичного, пусть глубоко русского, но тем-то и уникального города Москвы построен город среднеевропейского типа, не выделяющийся ничем особенным. (33)Город как город. (34)Даже хороший город. (35)Но не больше того.

(36)В самом деле, давайте проведём нового человека, ну хоть парижанина или будапештца, по улице Тверской, по главной улице Москвы. (37)Чем поразим его воображение, какой такой жемчужиной зодчества? (38)Каким таким свидетелем старины? (39)Вот телеграф. (40)Вот гостиница. (41)Вот дом на углу Тверского бульвара, где кондитерский магазин. (42)Видели парижанин и будапештец подобные дома. (43)Ещё и получше. (44)Ничего не говорю. (45)Хорошие, добротные дома, но всё же интересны не они, а именно памятники: Кремль, Коломенское, Андроников монастырь.

(По В. А. Солоухину)

Владимир Алексеевич Солоухин (1924−1997) — русский советский писатель и поэт, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

22. Из предложений 25–31 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)С работы в этот раз Нина возвращалась поздно. (2)Дверь почему-то оказалась открытой, в тёмной комнате было холодно, плита не топилась; за столом, положив на клеёнку руки, сидела Евгения Ивановна в ватнике и платке, смотрела на холодную плиту.

— (3)Что это вы в темноте? — спросила Нина.

(4)Евгения Ивановна не взглянула в её сторону.

(5)Нина вышла, разделась, принялась растапливать плиту и всё оглядывалась на Евгению Ивановну — та сидела всё так же неподвижно, изредка роняя:

— Вот беда-то, батюшки…

(6)Нина подошла, тронула за плечо:

— Что с вами, тётя Женя?

(7)Евгения Ивановна мельком посмотрела на Нину и опять уставилась на плиту:

— Вот беда-то…

(8)Нину тревожили не слова, а эта напряжённая поза и глаза, которые никуда не смотрели, хотя были открыты. (9)Нина смотрела на острый, странно изменившийся, вытянутый профиль, и на неё дохнуло липким страхом.

— (10)Сейчас поставлю чай…

(11)Она чистила картошку, мыла её, ставила на плиту и всё думала: где и какая беда? (12)Уж не передавали ли чего по радио? (13)Что-нибудь про Сталинград или Ленинград?..

(14)И тут ей показалось, что Евгения Ивановна улыбнулась, задохнувшийся голос забормотал бессмыслицу. (15)Теперь Нине стало по-настоящему страшно. (16)Она выскользнула тихонько в сени, оттуда — во двор, побежала к Ипполитовне.

— (17)Пойдёмте к нам. (18)Там тётя Женя чего-то… (19)Сидит… (20)Бормочет… (21)Она вроде не в себе. (22)Я боюсь…

(23)Кряхтя и постанывая, Ипполитовна поднялась с постели. (24)Старушка пошла, держась за стенки, перехватываясь руками. (25)Нина поддерживала её.

(26)Евгения Ивановна всё так же сидела лицом к плите и даже не взглянула на них.

— (27)Ты чего это, в одёже? — с порога окликнула Ипполитовна.

(28)А Евгения Ивановна будто и не слышала. (29)Она только заелозила шершавыми ладонями по клеёнке, как будто сметала крошки.

(30)Ипполитовна подошла, тяжело опустилась на стул, взяла её за руки, потянула к себе:

— Ай неможется?..

(31)Евгения Ивановна осмысленно посмотрела на неё, сдвинув брови, как будто силилась и не могла понять обращённые к ней слова. (32)А потом опять страшно оскалилась — то ли улыбнулась, то ли собиралась заплакать, — запёкшимися губами прошептала:

— Помнишь, сон-то страшный я видела? — (33)Она упала головой на стол. — (34)Мужа убили!.. (35)А Колюшка, сын — без вести…

(36)Нина зажала рот рукой. (37)Ипполитовна постепенно оправлялась от испуга, приходила в себя и уже скребла маленькими пухлыми руками по спине Евгении Ивановны.

— (38)Ты погоди… (39)Сразу-то не верь. (40)Ты погоди… (41)Похоронки-то кто пишет? (42)Писари. (43)А они при штабах, там бумаг страсть сколько… (44)Вот и попутали.

(45)А Евгения Ивановна со стоном перекатывалась лбом по столу, волосы рассыпались, липли к мокрым щекам. (46)Вдруг она оторвала голову от стола и замерла, вроде к чему-то прислушиваясь. (47)Пошарила в карманах ватника, вытащила бумагу, всхлипнула, подала Нине.

(48)Нина прочитала. (49)Эта бумага была из военкомата, в ней значилось, что рядовой Завалов Николай Артамонович погиб в декабре 1941 года, а младший сержант Николай Николаевич с ноября 1941 года числится в пропавших без вести.

(50)И опять Евгения Ивановна стала плакать, припав головой к столу.

— (51)Ну, так что? — и тут нашлась Ипполитовна. — (52)Нюрку Милованову с Кирпичной знаешь? (53)Пришёл мужик домой без ноги, а через месяц на него похоронка, сам и получил… (54)Война большая, людей-то сколько, кого и попутают…

(55)Евгения Ивановна притихла, только изредка всхлипывала, смотрела и слушала для последней душевной зацепки, чтобы смирить первое горе.

(56)А Нина думала о Луке из пьесы Горького «На дне», про которого говорили, что он жулик и вредный утешитель… (57)А Нина видела его доброту, ведь он один пожалел умершую Анну. (58)И сейчас думала, что в жизни нельзя без утешителей,иначе сломается душа; страшную правду надо впускать постепенно, придерживая её святой ложью, иначе душа не выдержит…

(59)Человеческая душа не металл, она хрупка и ранима…

(60)Евгения Ивановна, словно только что проснувшись, обвела запавшими глазами комнату, и вдруг сжала руками голову, заплакала.

(По М. В. Глушко*)

* Мария Васильевна Глушко (1922—1993) — советская и украинская писательница, сценарист.

23. Из предложений 17–25 выпишите один фразеологизм.

«(1)Зачем я от времени зависеть буду? (2)Пускай же лучше оно зависит от меня». (3)Мне часто вспоминаются эти гордые слова Базарова. (4)Вот были люди! (5)Как они верили в себя! (6)А я, кажется, настоящим образом в одно только и верю — это именно в неодолимую силу времени. «(7)Зачем я от времени зависеть буду?» (8)Зачем? (9)Оно не отвечает; оно незаметно захватывает тебя и ведёт, куда хочет; хорошо, если твой путь лежит туда же, а если нет? (10)Сознавай тогда, что ты идёшь не по своей воле, протестуй всем своим существом, — оно всё-таки делает по-своему. (11)Я в таком положении и находился. (12)Время тяжёлое, глухое и сумрачное со всех сторон охватывало меня, и я со страхом видел, что оно посягает на самое для меня дорогое, посягает на моё миросозерцание, на всю мою душевную жизнь… (13)Гартман говорит, что «убеждения наши — плод бессознательного, а умом мы к ним лишь подыскиваем более или менее подходящие основания»; я чувствовал, что там где-то, в этом неуловимом бессознательном, шла тайная, предательская, неведомая мне работа и что в один прекрасный день я вдруг окажусь во власти этого бессознательного. (14)Мысль эта наполняла меня ужасом: я слишком ясно видел, что правда, жизнь — всё в моём миросозерцании, что, если я его потеряю, я потеряю всё.

(15)То, что происходило кругом, лишь укрепляло меня в убеждении, что страх мой ненапрасен, что сила времени — сила страшная и не по плечу человеку. (16)Каким чудом могло случиться, что в такой короткий срок всё так изменилось? (17)Самые светлые имена вдруг потускнели, на смену старому поколению явилось новое, и не верилось: неужели эти — всего только младшие братья вчерашних?

(18)В литературе медленно, но непрерывно шло общее заворачивание фронта, и шло вовсе не во имя каких-либо новых начал, — о нет! (19)Дело было очень ясно: это было лишь ренегатство* — ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснее, бессознательное. (20)Литература тщательно оплёвывала в прошлом всё светлое и сильное, но оплёвывала наивно, сама того не замечая, воображая, что поддерживает какие-то «заветы»; прежнее чистое знамя в её руках давно уже обратилось в грязную тряпку, а она с гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала к ней читателя; с мёртвым сердцем, без огня и без веры, говорила она что-то, чему никто не верил…

(21)Я с пристальным вниманием следил за всеми этими переменами; обидно становилось за человека, так покорно и бессознательно идущего туда, куда его гонит время. (22)Но при этом я не мог не видеть и всей чудовищной уродливости моего собственного положения: отчаянно стараясь стать выше времени (как будто это возможно!), недоверчиво встречая всякое новое веяние, я обрекал себя на мёртвую неподвижность; мне грозила опасность обратиться в совершенно «обессмысленную щепку» когда-то «победоносного корабля». (23)Я путался всё больше в этом безвыходном противоречии, заглушая в душе горькое презрение к себе.

(24)Я не бичую себя, потому что тогда непременно начнёшь лгать и преувеличивать; но в этом-то нужно сознаться, — что такое настроение мало способствует уважению к себе. (25)Заглянешь в душу, — так там холодно и темно, так гадко-жалок этот бессильный страх перед окружающим!

(26)И кажется тебе, что никто никогда не переживал ничего подобного, что ты какой-то странный урод, выброшенный на свет теперешним странным, неопределённым временем… (27)Тяжело жить так. (28)Меня спасала только работа; а работы мне, как земскому врачу, было много, особенно в последний год, — работы тяжёлой и ответственной. (29)Этого мне и нужно было; всем существом отдаться делу, совершенно забывая свои страхи, — вот была моя цель, смысл жизни.

*Ренегатство — отступничество.

(По В. В. Вересаеву*)

* Викентий Викентьевич Вересаев (1867—1945) — русский и советский писатель, переводчик, литературовед.

24. Из предложений 15–17 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Над письменным столом висит фотография отца: он без шапки, седоватые волосы вьются буйно и молодо над широким лбом, а глаза чуть прищурены, улыбаются насмешливо и проницательно, всё видя, всё понимая… (2)Глаза у отца были тёмно синие, а на фотографии они совсем чёрные, южные, очень живые.

(3)Старые знакомые часто говорят матери:

− Дима стал очень похож на отца. (4)Вылитый Пётр Андреевич!

(5)Вадиму приятно это слышать: ему хочется быть похожим на отца. (6)А Вера Фадеевна, улыбаясь грустно и сдержанно, отвечает:

− Да, много общего есть…

(7)Отец погиб в начале войны, в декабре сорок первого года. (8)Это была его третья война, хотя профессия у отца была самая мирная − учитель. (9)Последние пятнадцать лет он работал директором школы. (10)И, когда отец вместе с другими ополченцами уезжал на фронт − это было в июле, на Белорусском вокзале, − провожать его пришло много учителей и школьной молодёжи. (11)Они стояли вокруг отца шумной, тесной толпой, говорили, перебивая друг друга, тёплые прощальные слова, а завуч, седенькая старушка в очках, даже всплакнула, и отцу пришлось утешать её.

(12)Сам он был спокоен, говорил шутливо:

− Я же с немцами третий раз встречаюсь. (13)Третий раз не страшно…

(14)Вадиму непривычно и странно было видеть отца в тяжёлых солдатских сапогах, со скаткой шинели на плече, в пилотке. (15)Прощаясь с Вадимом, отец сказал:

− Главное − крепко верить, сынок. (16)Это самое главное в жизни. (17)Крепко верить − значит наполовину победить. − (18)И, сильно, по-мужски, сжав руку Вадима, добавил вполголоса: − Мать береги! (19)Ты, брат, глава семьи теперь, опора…

(20)Когда возвращались с вокзала, Вадим первый раз взял маму под руку. (21)Всю дорогу молчал. (22)Он думал о словах отца: «Ты теперь глава семьи, опора». (23)Значит, он уже не мальчик, а глава семьи, отец поручил ему беречь мать. (24)Отец и раньше, уезжая в командировку, говорил Вадиму нарочито громким и строгим голосом: «Смотри − маму береги!» (25)Сегодня он это же сказал тихо и назвал маму необычно сурово − мать… (26)Да, теперь начнётся для Вадима новая жизнь, полная забот и ответственности. (27)И Вадим раздумывал: когда же и с чего именно начинать ему эту новую жизнь?

(28)А на следующей неделе «глава семьи» тайком от семьи пошёл в военкомат и попросился на фронт. (29)Ему отказали, так как у него ещё не было паспорта, никто не поверил его словам, что ему уже семнадцать лет. (30)Об этой неудачной попытке он не сказал никому.

(31)Наступил сентябрь. (32)Вадим должен был бы заканчивать в этом году десятый класс. (33)Но занятий всё не было. (34)Он поступил в молодёжную пожарную команду и два месяца трудился: ночью стоял на дежурстве, тушил зажигалки, ловил ракетчиков, а днём работал вместе со всей командой на дровяном складе, на разных вокзалах, чаще всего на речном − разгружал баржи с боеприпасами. (35)Спать приходилось мало.

(36)Стоя осенней ночью у чердачного окна в каком-нибудь доме на Полянке или на Коровьем валу, глядя на вспышки зениток в небе и мгновенно возникающие розовые нити трассирующих пуль, Вадим проникался новым ощущением: он был уже опорой не только семьи, но и всей своей улицы, всего района, десятков, сотен семей, невидимо спящих или бодрствующих в кромешном мраке затемнённого города. (37)Он отвечал за жизни тысяч людей, за целость их домов. (38)Позже, на фронте, это чувство ответственности ещё больше укрепилось в нём, и уже не улица, не город, а вся страна, казалось ему, стояла за его спиной, и он был её опорой и отвечал за её судьбу.

(39)Вадим попал на фронт в тот великий год, когда сокрушительные удары отбрасывали врага всё дальше на запад. (40)Вадим участвовал в разгроме гитлеровцев под Корсунью и в августовском наступлении под Яссами. (41)Стремительный марш на Бухарест и потом через Трансильванские Альпы в Венгрию, битва за Будапешт и кровопролитные бои у озера Балатон, взятие Вены и освобождение Праги − вот путь, который прошёл Вадим со своим танком по Европе.

(42)После победы над Германией танковый полк, в котором служил Вадим, перебросили на Дальний Восток. (43)Началась война с Японией − труднейший марш через безводную, сожжённую солнцем пустыню и Хинганские горы, бои с самурайскими бандами в Маньчжурии и, наконец, Порт-Артур. (44)На краю материка, в городе русской славы, завершила Советская Армия победоносный путь.

(45)Два военных года закалили Вадима, научили его разбираться в людях, научили смелости − быть сильнее своего страха. (46)Они показали ему, на что способен он, Вадим Белов. (47)На войне он научился многому из того, что было необходимо не только для войны, но и просто для жизни. (48)На войне он увидел свой народ, узнал его стремления и характер и понял, что это его собственный характер, собственные стремления.

(По Ю. В. Трифонову*)

* Юрий Валентинович Трифонов (1925—1981) — русский советский писатель.

25. Из предложений 31–35 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Хотя лейтенанта Володина тошнило и голова его была как свинцом налита, хотя он чувствовал страшную слабость, у него подкашивались ноги и руки были словно чужие, он шёл сейчас к своему взводу, к селу, к позициям, где ещё гремел бой. (2)Шёл, чтобы выполнить солдатский долг.

(3)За пылью, поднятой артиллерийскими снарядами, были едва видны крайние соломкинские избы. (4)Разрывы метались по полю, вспыхивали справа и слева вдоль шоссе, и между разрывами, лавируя, пробивались два «виллиса». (5)Наконец «виллисы» вышли из-под обстрела и неожиданно оказались так близко, что он отчётливо увидел даже лица сидевших за ветровым стеклом.

(6)Он сразу узнал генерал-лейтенанта, члена Военного совета Воронежского фронта, который вчера вместе с командующим осматривал оборонительные сооружения в Соломках. (7)Володин спохватился, хотел было отойти на обочину, но было уже поздно, передний «виллис», скрипнув тормозами, остановился прямо напротив него.

— (8)Ранены? — спросил генерал, не дожидаясь, пока Володин, как положено по уставу, отрапортует, кто он, почему стоит на шоссе, что делал и что собирается делать.

— (9)Нет, товарищ генерал, — смущённо ответил Володин, заметив, как генерал пристально разглядывает его лицо и одежду, и подумал: «Сейчас влетит!»

(10)Но член Военного совета фронта неожиданно повернулся к сидевшему позади полковнику и сказал:

— Это же тот самый лейтенант...

— (11)От пулемётных гнёзд?

— (12)Ну...

(13)Генерал и сидевший позади него полковник знали многие подробности соломкинского боя, знали и о Володине, как он был послан к пулемётным гнёздам, как попал под танк и как солдат, рискуя жизнью, спас его, своего командира.

— (14)Туда?

— (15)Да, в роту, товарищ генерал!

— (16)Отпустили? (17)Выписали?

— (18)Сам ушёл, — добавил Володин и подумал, что лежать под бомбами куда легче, чем стоять перед генералом.

(19)Хотя он и волновался, он всё же был доволен, что сказал правду. (20)Лейтенант не чувствовал за собой никакой вины ни в том, что с ним случилось на передовой, ни в том, что решился вернуться из санитарной роты в траншею.

(21)Генерал вовсе не собирался отправлять его назад, в санитарную роту, хотя видел, что тот как раз именно в этом нуждается. (22)Бледное, измождённое лицо, впалые щёки, гимнастёрка, выпачканная в саже и копоти, оторванная портупея, весь вид совсем юного, стоявшего по стойке «смирно» командира взвода — всё это вызывало у генерала иные мысли. (23)Он думал о том, сколько должно быть воли в человеке, если он вот так, испытав страх и ужас, не только не пал духом, но стал ещё крепче и сильнее.

(24)Генерал ещё раз взглянул в упрямое лицо Володина. (25)Он понял: сейчас не нужно ни одобрительных слов, ни похвал. (26)Генерал просто протянул руку и сказал:

— Желаю удачи, лейтенант! (27)Боевой удачи!

(28)«Виллисы» уже скрылись за поворотом, а Володин ещё в раздумье стоял на шоссе. (29)Было в этой случайной минутной встрече что-то очень важное для него, чего он не мог понять сразу.

(30)То важное, чего он не смог понять тогда, стоя на шоссе, неожиданно откроется ему в одной несложной фразе, которую Володин услышит от члена Военного совета фронта, когда встретит его семь дней спустя в освобождённой Рындинке, на ещё дымящейся от боя окраине: «Мы — русские солдаты!» (31)Может быть, потому, что слово «солдат» в таком сочетании поднималось над всеми воинскими званиями, даже над генеральским, даже над маршальским чином, а слово «русский» связывало с историей России, с лучшими её страницами: Бородинским сражением, Севастопольской эпопеей. (32)Но, может быть, потому, что Володин сам ощущал всё это и только не мог выразить свои чувства одной фразой, теперь, услышав эту фразу, он вдруг понял, насколько проста, насколько очевидна истина, и с гордостью мысленно повторил её: «Мы — русские солдаты!»

(По А. А. Ананьеву*)

* Анатолий Андреевич Ананьев (1925—2001) — советский и российский прозаик.

26. Из предложений 25–29 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Прокопия Ивановича привезли в больницу глубокой ночью. (2)Его провожала жена. (3)Ввалившиеся глаза больного взывали к участию.

(4)Сухие с синевой губы еле могли шевелиться.

— (5)Прасковьюшка, умру я, наверное. (6)Чего не так — прости...

(7)Маленькая седовласая женщина с лицом, испещрённым морщинками, коснулась рукой его лица.

— (8)Что ты, Пронюшка, — заплакала женщина.

(9)Потом, когда затих шум лифта, увозящего Прокопия Ивановича в палату, она вытерла глаза и ушла из больницы, тихо закрыв за собой дверь, будто боясь разбудить тех, с кем теперь её муж. (10)Хирург, осмотрев больного, нашёл его состояние безнадёжным.

— (11)Катастрофа в животе. (12)Лёгочно-сердечная недостаточность. (13)Вряд ли старик доживёт до утра, — сказал он сестре. — (14)Поставьте капельницу с глюкозой, сердечными, витаминами. (15)Дайте кислород.

(16)До утра больной дожил, и хирург принял решение оперировать Прокопия Ивановича, хотя отчётливо понимал, какому огромному риску подвергал его жизнь. (17)Но другого выхода не было.

(18)Операция шла долго. (19)Хирургу не раз вытирали потный лоб. (20)Больной лежал в забытьи под действием наркоза. (21)В вену его руки медленно, капля за каплей, вливалась живительная жидкость. (22)А Прасковья Андреевна, измученная бессонной ночью и плохими мыслями, уже сидела в вестибюле больницы.

(23)После окончания операции хирург огорчил её:

— Не стану скрывать: положение серьёзное, хотя сделано всё, что в наших силах. (24)Прошу Вас, если можете, помогите нам, поухаживайте за ним, — добавил он.

— (25)Ладно... — только и промолвила Прасковья Андреевна.

(26)В палате Прокопий Иванович лежал неподвижно, с закрытыми глазами, ни на что не реагировал. (27)Лицо его было бледным, дыхание еле заметным.

— (28)Пронюшка, как ты?

— (29)Это ты, Прасковьюшка? — и опять сделался ко всему безучастным.

(30)Несколько дней подряд, с утра и до позднего вечера, была она с ним. (31)Ложечку водички даст, чтобы во рту не сохло, чёлочку причешет, чтобы на глаза не спускалась, умоет, подушку другой, холодной стороной повернёт.

— (32)Вот так... (33)Хорошо-то как будет!

(34)Потом сядет возле него, руку его в свою возьмёт. (35)В одну руку Прокопия Ивановича беспрестанно поступали лекарства, по другой текла любовь Прасковьи Андреевны. (36)Больному становилось лучше. (37)На пятый день хирург осматривал Прокопия Ивановича раньше, чем пришла Прасковья Андреевна. (38)На теле его он увидел старые рубцы и теперь решил спросить:

— Что это у Вас?

— (39)Немец...

— (40)Наверное, награды есть?

— (41)А как же: от воротника до пояса!

— (42)А что-то сегодня жены не видно. (43)Не придёт?

— (44)Придёт... (45)Пусть-ка не придёт! — и стукнул кулаком по краю кровати.

(46)Радость охватила хирурга от этих слов и жеста больного. (47)Он увидел в них знамение выздоровления Прокопия Ивановича: мужчина, только чувствуя силу, может показать другому, какую власть он имеет над своей женой.

(48)Вечером хирург снова зашёл в палату. (49)Прокопий Иванович улыбался. (50)Его рука опять покоилась в руке Прасковьи Андреевны. (51)Старый врач знал о великом целительном свойстве любви: как цветок наливается соком от солнца, так больной человек оживает от любви. (52)Недаром для борьбы за жизнь Прокопия Ивановича он взял себе в союзницы маленькую седовласую женщину. (53)Любовь её он заметил ещё в ту ночь, когда принимал больного, показавшегося ему безнадёжным.

(По Н. И. Батыгиной*)

* Надежда Ивановна Батыгина (1919—1990) — хирург, кандидат медицинских наук, писатель.

27. Из предложений 46–49 выпишите слово высокого стиля.

(1)Видно, уж прошло то время, когда в письмах содержались целые философские трактаты. (2)Устоишь ли теперь от соблазна, сев за неудобный для писания гостиничный столик, не коситься глазом на телефон, не потянуться к нему рукой, не набрать нужный номер? (3)Поговорив по телефону, отведя душу, смешно садиться за письма.

(4)Кстати, о гостиничных столиках. (5)Не приходилось ли вам замечать, что в старых гостиницах (я не говорю, что они лучше новых во всех других отношениях) едва ли не главным предметом в номере являлся письменный стол? (6)Даже и зелёное сукно, даже и чернильный прибор на столе. (7)Так и видишь, что человек оглядится с дороги, разложит вещи, умоется, сядет к столу, чтобы написать письмо либо записать для себя кое-какие мыслишки. (8)Устроители гостиниц исходили из того, что каждому постояльцу нужно посидеть за письменным столом, что ему свойственно за ним сидеть и что без хорошего стола человеку обойтись трудно.

(9)Исчезновение чернильных приборов понятно и оправдано. (10)Предполагается, что у каждого человека теперь имеется автоматическое перо. (11)Со временем и сами письменные столы становились всё меньше и неприметнее, они превратились вот именно в столики, они отмирают, как у животного вида атрофируется какой-нибудь орган, в котором животное перестало нуждаться. (12)Недавно в одном большом европейском городе, в гостинице, оборудованной по последнему слову техники и моды нашего века, в совершенно модерной, многоэтажной полустеклянной гостинице я огляделся в отведённом мне, кстати сказать, недешёвом номере и вовсе не обнаружил никакого стола. (13)Откидывается от стенки полочка с зеркалом и ящичком явно для дамских туалетных принадлежностей: пудры, кремов, ресничной туши и прочих вещей. (14)Стола же нет как нет. (15)Так и видишь, что люди оглядятся с дороги, разберут вещи и… устроители гостиницы исходили, видимо, из того, что самой нужной, самой привлекательной принадлежностью номера должна быть, увы, кровать.

(16)Да и выберешь ли в современном городе время, чтобы сесть в раздумчивости и некоторое время никуда не спешить, не суетиться и не торопиться душой, посидеть не на краешке стула, а спокойно, основательно, отключившись от всеобщей, всё более завихряющейся, всё более убыстряющейся суеты?

(17)Принято считать, что телеграф, телефон, поезда, автомобили и лайнеры призваны экономить человеку его драгоценное время, высвобождать досуг, который можно употребить для развития своих духовных способностей. (18)Но произошёл удивительный парадокс. (19)Можем ли мы положа руку на сердце сказать, что времени у каждого из нас, пользующегося услугами техники, больше, чем его было у людей дотелефонной, дотелеграфной, доавиационной поры? (20)Да боже мой!

(21)У каждого, кто жил тогда в относительном достатке (а мы все живём теперь в относительном достатке), времени было во много раз больше, хотя каждый тратил тогда на дорогу из города в город неделю, а то и месяц вместо наших двухтрёх часов.

(22)Говорят, не хватало времени Микеланджело или Бальзаку. (23)Но ведь им потому его и не хватало, что в сутках только двадцать четыре часа, а в жизни всего лишь шестьдесят или семьдесят лет. (24)Мы же, дай нам волю, просуетимся и сорок восемь часов в одни сутки, будем порхать как заведённые из города в город, с материка на материк, и всё не выберем часу, чтобы успокоиться и сделать что-нибудь неторопливое, основательное, в духе нормальной человеческой натуры.

(25)Техника сделала могущественными каждое государство и человечество в целом. (26)Но вот вопрос: сделала ли техника более могучим просто человека, одного человека, человека как такового? (27)Могуч был библейский Моисей, выведший свой народ из чужой земли, могуча была Жанна д'Арк из города Орлеана, могучи были Гарибальди и Рафаэль, Спартак и Шекспир, Бетховен и Петефи, Лермонтов и Толстой. (28)Да мало ли… (29)Открыватели новых земель, первые полярные путешественники, великие ваятели, живописцы и поэты, гиганты мысли и духа, подвижники идеи. (30)Можем ли мы сказать, что весь наш технический прогресс сделал человека более могучим именно с этой единственно правильной точки зрения? (31)Конечно, мощные орудия и приспособления… (32)Но ведь и духовное ничтожество, трусишка может дёрнуть за нужный рычажок или нажать нужную кнопку. (33)Пожалуй, трусишка-то и дёрнет в первую очередь.

(По В. А. Солоухину*)

* Владимир Алексеевич Солоухин (1924—1997) — советский и российский писатель и поэт, представитель «деревенской прозы».

28. Из предложений 4–8 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Утро следующего дня было холодным и пасмурным. (2)Услышав голос Андрея Ивановича, Наташа, как всегда, попыталась встать с постели, но едва она приподнялась, как голова её закружилась, и она снова неловко опустилась на землю. (3)Всё тело болело. (4)Сильная тошнота подступала к горлу. «(5)Встать бы только! (6)Только подняться бы на ноги!» — мысленно твердила девушка, проклиная свою слабость. (7)Она слышала, как легко и быстро поднялся Валерий. (8)Он даже насвистывал что-то. (9)Почему же у неё так кружится голова?

(10)Она снова попыталась встать и снова бессильно опустилась на землю. (11)К ней подошёл Андрей Иванович.

— (12)Что, Наточка, тяжело?

(13)Он сел возле неё.

(14)Наташа подняла глаза и увидела его худое потемневшее лицо и большие, лихорадочно блестевшие глаза. (15)Видно было, что и он еле поднялся.

(16)Наташа сделала усилие и села, прислонившись спиной к влажному стволу дерева.

— (17)Ничего, Андрей Иванович. (18)Я ещё могу идти…

— (19)Надо идти, Наташенька. — (20)Он помог ей подняться. — (21)Ещё немного. (22)А сегодня… (23)Сегодня мы немного увеличим нашу утреннюю норму.

(24)Он отыскал глазами Валерия.

— (25)Валерий, в твой рюкзак я положил шоколад. (26)Вынь-ка одну плитку. (27)Все мы очень ослабли…

— (28)Что вы, Андрей Иванович! (29)Шоколад надо оставить на конец пути, — ответил Валерий, даже не обернувшись.

— (30)Мы очень ослабли, — повторил Андрей Иванович, — а конец пути уже недалеко. (31)Одну плитку давайте разделим сейчас.

— (32)Андрей Иванович, стыдитесь! — (33)Валерий решительно застегнул рюкзак. — (34)Вы же мужчина! (35)Впереди ещё столько дней пути, а вы предлагаете уничтожить наш неприкосновенный запас. (36)Я мальчишка, и то не прошу…

(37)Геолог побледнел.

— (38)Хорошо, — сказал он с расстановкой, — я могу идти без шоколада. (39)Но Наташе он необходим сейчас. (40)Она еле поднялась с постели.

(41)Наташа хотела возразить, но Валерий опередил её:

— Ах, вот как! (42)Это другое дело. (43)Что ж, я отдам Наташе свой сегодняшний завтрак, — сказал он вызывающим тоном. — (44)Но шоколад останется неприкосновенным!

(45)Валерий быстро вскинул рюкзак на плечи и, не оглядываясь, зашагал вдоль реки. (46)С минуту Андрей Иванович смотрел ему вслед, и вдруг страшное подозрение обожгло его мозг.

— (47)Стой! — закричал он.

(48)Валерий остановился. (49)Геолог подошёл к нему.

— (50)Снимай рюкзак!

(51)Валерий отступил на шаг, и вдруг лицо его задёргалось.

— (52)Что такое?.. (53)Что вы собираетесь делать?..

(54)Андрей Иванович взялся за его рюкзак.

— (55)Не дам! — рванулся Валерий.

— (56)Приказываю! — раздельно и властно потребовал геолог.

(57)Лицо его сделалось страшным. (58)Правая рука сжалась в кулак.

(59)Валерий дрожащими руками снял рюкзак. (60)Андрей Иванович быстро расстегнул его и почувствовал, что земля уходит у него из-под ног: в рюкзаке лежала смятая хвоя пихты. (61)Медленно поднял он глаза на Валерия и словно впервые увидел его красивое надменное лицо, прищуренные веки и наглый бегающий взгляд.

— (62)Ну что? (63)Что смотрите? (64)Может, и мораль начнёте ещё читать? (65)А мне наплевать на вас! (66)Я жить хочу! (67)Я моложе вас! (68)Я имею больше прав на жизнь!

(69)И вдруг голос его осёкся. (70)Прямо перед собой он увидел ввалившиеся, полные муки глаза Наташи.

— (71)А-а-а! — взвыл он и бросился на землю.

(72)Ни слова не говоря, Андрей Иванович медленно подошёл к костру, разломил на три равные части сухарь и к каждому кусочку положил по крошечной дольке сахару. (73)После этого он направился к реке, чтобы набрать в котелок воды.

(74)Наташа словно оцепенела. (75)Всё происшедшее было настолько невероятным, что казалось каким-то чудовищным недоразумением, которое следовало сейчас же, немедленно разрешить. (76)Валерий не мог этого сделать! (77)Он не мог так низко пасть — обворовать её, слабую девушку, своего школьного товарища, и пожилого мужчину, делавшего всё возможное для их спасения. (78)Разве

мог это сделать человек, который так много и с таким чувством говорил о любви, о красоте, о дружбе, который так любил музыку, который писал стихи, который…

(79)Но этого человека уже не было. (80)Перед ней лежало на земле и скулило, как побитая собака, какое-то жалкое существо, которое стыдно было даже сравнивать с человеком.

(По В. В. Корчагину*)

* Владимир Владимирович Корчагин (1924—2012) — советский и российский писатель, учёный-геолог.

29. Из предложений 10–23 выпишите один фразеологизм.

(1)То, чего нам так не хватает...

(2)А не хватает нам любви к детям. (3)Не хватает самоотверженности— родительской, педагогической. (4)Не хватает сыновней, дочерней любви.

(5)Есть простая поговорка: как аукнется, так и откликнется. (6)Сколько положишь, столько и получишь. (7)Верные вроде бы формулы. (8)Только если следовать лишь им, добьёшься одного воспроизводства. (9)Для сеятеля это просто беда, когда зерна он снимет ровно столько же, сколько посеял. (10)Пахарь должен получить прибавку, только тогда он выживет, прокормит свою семью.

(11)Так же точно и общество должно бы существовать. (12)Прогресс состоит из прибавок, которые дают поколения, «посеянные» их родителями и наставниками. (13)Конечно, прибавки эти есть, но в каких пространствах? (14)В пространстве человеческих знаний, конечно. (15)В области технологий. (16)А как с духовностью? (17)Увы, в этой тонкой сфере воспроизводства мы радуемся даже простому отклику на ауканье.

(18)И слишком часто замечаем простые потери: не больше, нет, а меньше становится доброты, милосердия. (19)Отношения между самыми добрыми вроде бы людьми теперь грубее и жёстче. (20)Исполнение долга в межчеловеческих отношениях уступает служебным обязанностям— там человек и обязательнее, и профессиональнее. (21)А любовь к детям стала напоминать любовь к собственному имуществу. (22)Впрочем, имущество порой дороже людей. (23)Что может быть печальней и горше!

(24)Давно замечено: и лучшие, и худшие стороны человека выявляет беда. (25)Януш Корчак не только последние часы и минуты своего бытия, когда вместе с детьми принял мученическую смерть в фашистской газовой камере, но и всю предыдущую жизнь стоял рядом с бедой, точнее, жил в её гуще, работая с детьми-сиротами. (26)Сиротство, эта библейски древняя форма человеческого одиночества, требует сострадания и соучастия, самоотверженной и терпеливой любви настоящих гуманистов. (27)Януш Корчак первый из них, и первенство это измерено мерой его выбора, мерой честности. (28)Мера эта − смерть.

(29)Не только поляки чтут выбор своего бессмертного учителя. (30)Его имя внесено в святцы и мировой педагогики, и элементарной человеческой порядочности. (31)И именно в его устах, под его пером в высшей степени правомерно звучит дидактическое, даже назидательное наставление: как любить детей. (32)Книга «Как любить ребёнка» Януша Корчака − своеобразный манифест гуманизма. (33)Нестареющий завет, переданный в наши и грядущие времена из времён, как будто от нас удалённых и в то же время совершенно похожих, потому что речь идёт о любви к детям, а это ценность постоянная.

(34)Духовный комфорт делает человека толстокожим, совершает в его сознании странные подвижки, когда ценности мнимые застят свет, а ценности подлинные уходят на второй план. (35)Каждому рано или поздно воздаётся по заслугам, но часто— слишком поздно, когда ничего не исправишь, и в этом истоки многих человеческих драм. (36)Те, кто воображает, будто доброта и любовь малозначимые, второстепенные качества, которые не помогают, а, напротив, даже вредят, допустим, при достижении карьеры, бывают наказаны на краю этой карьеры, а ещё чаще— на краю собственной жизни— нелюбовью и недобротой своих же близких и в первую очередь детей. (37)И пусть же всякий, кто спохватится и заторопится вперёд от нелюбви к любви, от недоброты к доброте, припадёт как к чистому итогу— к этой последней заповеди Януша Корчака.

(По А. А. Лиханову*)

Альберт Анатольевич Лиханов (род. в 1935 г.) — советский и российский писатель, общественный деятель, лауреат многочисленных Международных премий.

30. Из предложений 16–19 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Весь в пару, надвинулся к перрону поезд. (2)Обындевелые крыши вагонов, натёки льда с крыш, белые слепые окна. (3)И словно это поезд нанёс с собой ветер: помело с крыши вокзала, закружило. (4)В снежном вихре, в пару отчаянно метались люди от дверей к дверям, из последних сил бежали вдоль состава.

(5)Каждый раз вот так бегают с вещами, с детишками, а везде всё закрыто, ни в один вагон не пускают.

(6)Санитар, стоявший рядом, тоже смотрел.

— (7)Вот бы Гитлера сюда этого! (8)Сам-то он в тепле сидит.

(9)А народу такие мучения принимать... (10)Да с детишками...

(11)И зябко ёжился, будто уже совсем замёрз.

(12)Глупым показался Третьякову этот разговор. (13)Срывая на санитаре зло, потому что ему тоже было жаль метавшихся по морозу баб, которых гнали от поезда, сказал:

— Что ж, по-твоему, захотел какой-то Гитлер — и война началась? (14)Захотел — кончилась?

(15)И сам от своего командирского голоса распрямился под халатом. (16)Санитар враз поскучнел, безликим сделался.

— (17)Не я ж захотел, — бормотал он себе под нос, переходя к другому окну. — (18)Или мне моя нога лишней оказалась?

(19)Третьяков посмотрел ему вслед, на один его сапог и на деревяшку. (20)Что ему объяснишь? (21)Не приставишь оторванную ногу и не объяснишь. (22)А самое главное, что и себе не всё объяснишь.

(23)В школе со слов учителей он знал, как и почему возникают войны, и успешно отвечал на отметку. (24)И их неизбежность при определённых условиях тоже была объяснима и проста. (25)Но тому, что он повидал за эти годы, не было лёгких объяснений. (26)Ведь сколько раз бывало уже: кончались войны, и те самые народы, которые только что истребляли друг друга с такой яростью, как будто вместе им нет жизни на земле, эти самые народы жили потом мирно и ненависти никакой не чувствовали друг к другу.

(27)Так что же, способа нет иного прийти к этому, как только убив миллионы людей? (28)Какая надобность не для кого-то, а для самой жизни в том, чтобы люди, батальонами, полками, ротами погруженные в эшелоны, спешили, мчались, терпя в дороге голод и многие лишения, шли скорым пешим маршем, а потом эти же люди валялись по всему полю, порезанные пулемётами, размётанные взрывами, и даже ни убрать их нельзя, ни похоронить?

(29)Трава родится и с неизбежностью отмирает, и на удобренной ею земле гуще растёт трава. (30)Но ведь не для того живёт человек на свете, чтобы удобрить собою землю. (31)И какая надобность жизни в том, чтобы столько искалеченных людей мучилось по госпиталям?

(32)Ещё до войны прочёл он поразившую его вещь: оказывается, нашествие Чингисхана предварял целый ряд особо благоприятных лет. (33)Шли в срок дожди, небывало росли травы, плодились несметные табуны, и всё вместе это тоже дало силу нашествию. (34)Быть может, разразись над этим краем многолетняя засуха, а не сойдись всё так благоприятно, и не обрушилось бы страшное бедствие на народы в других краях. (35)И история многих народов пошла бы по-другому.

(36)На фронте воюет солдат, и ни на что другое не остаётся сил. (37)Но здесь, в госпитале, одна и та же мысль не давала покоя: неужели когда-нибудь окажется, что этой войны могло не быть? (38)Что в силах людей было предотвратить это? (39)И миллионы остались бы живы... (40)Двигать историю по её пути — тут нужны усилия всех, и многое должно сойтись. (41)Но, чтобы скатить колесо истории с его колеи, может быть, не так много и надо, может быть, достаточно камешек подложить?

(По Г. Я. Бакланову*)

* Григорий Яковлевич Бакланов — (1923—2009) — советский и российский писатель и сценарист.

31. Из предложений 6–16 выпишите антонимы (антонимическую пару).

(1)Сверкающий дуговыми фонарями, Брестский вокзал был в то время главным военным вокзалом Москвы. (2)С него отправлялись эшелоны на фронт. (3)По ночам к полутёмным перронам крадучись подходили длинные, пахнущие йодоформом санитарные поезда, и начиналась выгрузка раненых.

(4)Каждую ночь, часам к двум, когда жизнь в городе замирала, мы, трамвайщики, подавали к Брестскому вокзалу белые санитарные вагоны. (5)Ждать приходилось долго. (6)Каждый раз к нам подходили женщины в тёплых платках и робко спрашивали, скоро ли будут грузить раненых.

— (7)Ждите! — отвечали мы.

(8)Женщины, вздохнув, отходили на тротуар. (9)Они приходили к вокзалу на всякий случай: может быть, среди раненых найдётся муж, брат, сын или однополчанин родного человека и расскажет о его судьбе.

(10)Когда в вокзальных дверях появлялись санитары с носилками, женщины бросались к ним, исступлённо всматривались в почернелые лица раненых и совали им в руки связки баранок, яблоки, пачки дешёвых рассыпных папирос. (11)Иные из женщин плакали от жалости. (12)Раненые, сдерживая стоны, успокаивали женщин доходчивыми словами. (13)Эти слова простой русский человек носит в себе про чёрный день и поверяет только такому же простому своему человеку.

(14)Раненых вносили в вагоны, и начинался томительный рейс через ночную Москву. (15)Вожатые вели вагоны медленно и осторожно. (16)Чаще всего мы возили раненых в главный военный госпиталь в Лефортово. (17)Там мы помогали санитарам переносить тяжелораненых в палаты и бараки. (18)Иногда мы возили раненых австрийцев. (19)В то время Австрию насмешливо называли «лоскутной империей», а австрийскую армию — «цыганским базаром». (20)Разноплеменная эта армия производила на первый взгляд впечатление скопища чернявых и невероятно худых людей.

(21)Мы расспрашивали пленных и удивлялись: кого только не было в этой армии! (22)Там были чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы и словаки... (23)О существовании некоторых из этих народов я и не подозревал, хотя окончил гимназию с пятёркой по географии.

(24)Однажды вместе с нашими ранеными ко мне в вагон внесли длинного, как жердь, австрийца в серых обмотках. (25)Он был ранен в горло и лежал, хрипя и поводя жёлтыми глазами. (26)Когда я проходил мимо, он пошевелил смуглой рукой. (27)Я думал, что он просит пить, нагнулся к его небритому, обтянутому пересохшей кожей лицу и услышал клекочущий шёпот:

— Есмь славянин! (28)Полонённый у велика-велика битва... брат мой.

(29)Он закрыл глаза. (30)Очевидно, он вкладывал в эти слова очень важный для него и непонятный мне смысл. (31)Очевидно, он долго ждал случая, чтобы сказать эти слова. (32)Потом я долго раздумывал над тем, что хотел сказать этот умирающий человек с запёкшимся от крови бинтом на горле. (33)Почему он не пожаловался, не попросил пить, не вытащил из-за пазухи за стальную цепочку полковой значок с адресом родных? (34)Очевидно, он хотел сказать: не его вина, что он поднял оружие против братьев. (35)Эта мысль соединилась в горячечном его сознании с памятью о кровавом сражении, куда он попал прямо из своей деревни, где растут вековые ореховые деревья и по праздникам пляшет на базаре под шарманку ручной медведь.

(36)Я вытащил у австрийца из-под расстёгнутого ворота куртки полковой значок. (37)На нём было выгравировано: «Иоанн Петрич, 38719, Весёлый Дубняк (Босния)».

(38)Дома я написал открытку о смерти Иованна Петрича и послал в Боснию, в селение Весёлый Дубняк на имя семьи Петричей. (39)Когда я писал эту открытку, я видел в своём воображении белый низкий дом — такой низкий, что окна его были на локоть от земли. (40)Я видел заросли пожухлых лопухов под окнами и ястреба, висевшего над домом в жарком небе. «(41)Полонённый у велика-велика битва... брат мой», — вспоминал я тяжёлый шёпот. (42)Кто виноват, что «швабы» в зелёных тесных мундирах оторвали его, Иованна, от родных садов? (43)Он был покорный и добрый, Иованн, — это было видно по его серым круглым глазам, глазам мальчика на лице пожилого мужчины.

(По К. Г. Паустовскому*)

* Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) — известный русский советский писатель, классик отечественной литературы.

32. Из предложений 9–13 выпишите один фразеологизм.

(1)Солдаты лежали за деревьями, в кустах, в высокой траве и слушали, напряжённо всматривались в ясный утренний воздух, лишь местами темневший от дыма и земной пыли.

(2)О, как хороша была в эти минуты земля! (3)Как благостны казались людям её тяжёлые складки, жёлтые пригорки, овражки, поросшие репейником и пыльными лопухами, лесные ямы. (4)Какой чудесный запах шёл от земли: лиственной прели, сухой пыли и влажной лесной сырости, запах мирного праха и грибов, сухих ягод и многократно превшего и вновь высыхавшего хвороста. (5)Ветер приносил с поля тёплый и печальный запах вянущих цветов и сохнущих трав; в полутьме леса, внезапно пронзаемой солнечным светом, вдруг пыльной радугой вспыхивала увлажнённая росой паутина, словно веяло своим дыханием чудо спокойствия и мира.

(6)Вот лежит, уткнувшись лицом в землю, Родимцев. (7)Спит он, что ли? (8)Нет, его глаза внимательно смотрят в землю, на стоящий подле куст шиповника. (9)Он шумно дышит, втягивает в себя запах земли. (10)Он смотрит с интересом, жадно и почтительно на дела, происходящие вокруг него: муравьи колонной идут неясным для человеческого глаза трактом, волокут сухие травинки, палочки. (11)«Может быть, у них тоже война, — думает Родимцев, — вот и ползут колонны мобилизованных на строительство рвов и укреплений. (12)Или это хозяин ставит себе новый дом, и тянутся плотники, штукатуры на работу…»

(13)Огромен мир, который видят его глаза, чует ухо, втягивают с воздухом ноздри. (14)Аршин земли на опушке леса, куст шиповника. (15)Как велик этот аршин земли! (16)Как богат этот отцветший куст! (17)По сухой земле молнией прошла трещина, муравьи проходят по мосту, в строгом порядке один за другим, а по ту сторону трещины терпеливо выжидают встречные. (18)Божья коровка, толстая, в красном сарафане, мечется, ищет перехода. (19)Ох ты! (20)Полевая мышь блеснула глазом, привстала на задние лапки и прошуршала среди травы, словно и не было её здесь. (21)Подул ветер, и трава гнётся, пригибается, каждая по-своему: одна покорно, быстро ложится к земле, другая упрямо, сердито дрожит, топорщится своим бедным тощим колосом — воробьиным житом. (22)А на кусте шевелятся ягоды шиповника — жёлтые, красноватые, закалённые солнцем, словно глина огнём. (23)Давно уже, видно, брошенная хозяином паутина мотается на ветру, в ней запутались сухие листья, кусочки коры, в одном месте она обвисает под тяжестью свалившегося в неё жёлудя. (24)Она похожа на невод, выброшенный на берег после гибели рыбака.

(25)Игнатьев задумчиво говорит товарищу:

— Слышал я, как-то два лейтенанта-зенитчика между собой говорили. (26)Вот, говорят, война идёт, а кругом сады, птицы поют, им вроде и дела нет до наших дел. (27)Вот я всё думаю: это неправильно, не увидели лейтенанты сути. (28)Война эта всей жизни коснулась. (29)Ты возьми лошадей — чего только не терпят! (30)Или, помню, стояли мы в Рогачёве: там все собаки по тревоге в погреба лезли, суку одну я приметил — собачат в щель прятала, а как налёт кончится — обратно гулять выводила. (31)Ну, а птица — гуси, куры, индюшки, — разве они от немца не терпят? (32)И тут, кругом, в лесу, я примечаю, птицы пугаться стали — чуть самолёт летит, тучей поднимаются, галдят, шумят, мечутся. (33)Сколько леса пропало! (34)Сколько садов! (35)Или вот я сейчас подумал: идёт бой на поле, мы тут залегли, под тысячу человек, — всех этих муравьёв да комарей кувырком вся жизнь пошла.

(36)А если немец газ пустит, а мы ему в ответ — тут же по всем лесам да полям жизнь перевернётся: и до мышей, и до ежей, до всех война доберётся, начнёт козявка да птица задыхаться, куда ей деться?

(37)Он приподнялся и, глядя на товарищей, сказал с весёлой печалью:

— Ох, и хорошо, ребята! (38)Ведь только в такой день и поймёшь: вот, кажется, тысячу лет бы так пролежал — и не наскучило бы.

(По В. С. Гроссману*)

* Василий Семёнович Гроссман (1905—1964) — советский писатель, журналист, военный корреспондент.

33. Из предложений 23–28 выпишите один фразеологизм.

(1)Нам лишь кажется, что, когда с нами что-то случается, это уникальное явление, единственное в своём роде. (2)На самом деле нет ни одной проблемы, которая уже не была бы отражена в мировой литературе: любовь, верность, ревность, измена, трусость, поиски смысла жизни… (3)Всё это уже когда-то кем-то было пережито, передумано; найдены причины, ответы и советы и запечатлены на страницах художественной литературы. (4)Дело за малым: бери и читай! (5)И всё найдёшь в книге. (6)Неслучайно Ф. М. Достоевский призывал: «Читайте! (7)А остальное сделает жизнь».

(8)Литература, открывая мир с помощью слова, творит чудо: удваивает, утраивает наш внутренний опыт, беспредельно расширяет взгляд на жизнь, на человека, делает тоньше наше восприятие. (9)В детские годы мы читаем сказки и приключения, чтобы пережить азарт поиска, интриги. (10)Но наступает час, когда мы испытываем потребность открыть книгу для того, чтобы с её помощью углубиться в себя. (11)Это час взросления: мы ищем в книге собеседника, который просветляет, облагораживает, учит.

(12)Л. Н. Толстой судил о достоинствах книги по тому, «сколько раз её можно перечитывать».

(13)Есть громкие книги, знаменитые, прославленные, внесённые в почётный список русской литературы. (14)Их читать интересно, но, когда прочтёшь, перечитывать не всегда хочется. (15)А есть тихие книги. (16)В них всё спокойно, неторопливо и, кажется, ничего особенного не происходит. (17)Но в них чувствуешь себя так уютно, как в хорошем, добром, гостеприимном доме, из которого не хочется уходить, в котором хочется остаться жить навсегда. (18)Все герои становятся для тебя живыми, родными. (19)И когда закрываешь последнюю страницу, тут же опять открываешь первую, чтобы не расставаться с ними. (20)Такие книги хочется иметь дома, при себе, всегда, каждый день, чтобы в минуту отчаяния, растерянности, грусти открыть их на любой странице и вновь почувствовать себя уютно, спокойно, уверенно.

(21)Все русские писатели были заядлыми книголюбами, имели прекрасные библиотеки и не расставались с книгами всю жизнь. (22)Если взять в руки том под названием «Мысли и изречения», то едва ли не самым объёмным будет раздел о книгах и чтении. (23)И это неудивительно: с тех пор как появилась книга, ей посвящены самые вдохновенные слова тех, чьи высказывания стоит запомнить: «Человек перестаёт мыслить, когда перестаёт читать», – учил Д. Дидро; «Книга – это духовное завещание одного поколения другому», – такую оценку книге дал А. И. Герцен; «Книги – это переплетённые мысли», – считал А. С. Макаренко.

(24)Во все времена высоко ценили книгу, но, увы, не в наше. (25)Книг всё больше, а читающих всё меньше. (26)Книгу превратили в предмет интерьера. (27)Она стала мерилом престижности и даже интеллигентности семьи. (28)И стоят книги под замками в шкафах, точно замурованные узники. (29)Сколько умных мыслей, пережитых чувств пылятся на полках общественных и личных библиотек ни разу не открытыми, не прочитанными, не востребованными, не дошедшими до своего адресата!

(30)Вот мы взяли в руки книгу. (31)Что происходит в нашей душе? (32)Ведь с каждой прочитанной книгой, распахивающей перед нами кладовые мыслей и чувств, мы становимся другими. (33)Через литературу человек становится Человеком. (34)Неслучайно книгу называют учителем и учебником жизни.

(По Л. Г. Гинзбург и Е. Б. Кононовой*)

* Лилия Геннадьевна Гинзбург, Евгения Борисовна Кононова – современные учёные-филологи, авторы книг по литературоведению.

34. Из предложений 13–16 выпишите антонимы (антонимическую пару).

Прочитайте текст и выполните задания 22−27.

(1)Одно из забавных свойств человеческой природы заключается в том, что каждый человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими людьми. (2)Иной пищит, а доигрывает.

(3)Вот пример.

(4)Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. (5)Как это ни странно, в самом деле превратили.

(6)Так или иначе сейчас, приезжая в родной город, я иногда в жару отдыхаю под нашими, теперь огромными, деревьями. (7)Но дело не в этом. (8)Дело в том, что в тот давний день, когда мы возделывали пустырь, один из ребят обратил внимание остальных на то, как я держу носилки, на которых мы перетаскивали землю. (9)Военрук, присматривавший за нами, тоже обратил внимание на то, как я держу носилки. (10)Все обратили внимание на то, как я держу носилки. (11)Надо было найти повод для веселья, и повод был найден. (12)Оказалось, что я держу носилки, как Отъявленный Лентяй.

(13)Теперь всё работало на образ. (14)Если я на контрольной по математике сидел, никому не мешая, спокойно дожидаясь, пока мой товарищ решит задачу, то все приписывали это моей лени, а не тупости. (15)Естественно, я не пытался в этом кого-нибудь разуверить. (16)Когда же я писал сочинения прямо из головы, не пользуясь учебниками и шпаргалками, это тем более служило доказательством моей неисправимой лени.

(17)Развитие образа привело к тому, что я вынужден был перестать делать домашние уроки. (18)При этом, чтобы сохранить остроту положения, я должен был достаточно хорошо учиться.

(19)По этой причине я каждый день, как только начиналось объяснение материала по гуманитарным предметам, ложился на парту и делал вид, что дремлю. (20)Если учителя возмущались моей позе, я говорил, что заболел, но не хочу пропускать занятий, чтобы не отстать. (21)Лёжа на парте, я внимательно слушал голос учителя, не отвлекаясь на обычные шалости, и старался запомнить всё, что он говорит. (22)После объяснения нового материала, если оставалось время, я вызывался отвечать в счёт будущего урока.

(23)Учитель ставил мне в журнал хорошую оценку, звенел звонок, и все были довольны. (24)И никто, кроме меня, не знал, что только что зафиксированные знания рушатся из моей головы, как рушится штанга из рук штангиста после того, как прозвучит судейское: «Вес взят!» (25)Более того, будучи лентяем, я вполне прилично учился.

(26)Тогда ко мне решили применить метод массированного воспитания, модный в те годы. (27)Суть его заключалась в том, что все учителя неожиданно наваливались на одного нерадивого ученика и, пользуясь его растерянностью, доводили его успеваемость до образцово-показательного блеска.

(28)Как правило, опыт удавался. (29)То ли на меня навалились слишком дружно, то ли забыли мой приличный уровень, но, когда стали подводить итоги опыта работы надо мной, выяснилось, что меня довели до уровня кандидата в медалисты.

(30)Кончилось всё это тем, что я вместо запланированной серебряной медали получил золотую, потому что один из кандидатов на золотую по дороге сорвался и отстал.

(31)Он был и в самом деле очень сильным учеником, но ему никак не давались сочинения. (32)Вместо него я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его мамаши на выпускном вечере. (33)Вернее, не на само́м вечере, а перед вечером в раздевалке.

— (34)Негодяй, притворявшийся лентяем! – сказала она, увидев меня в раздевалке и одёргивая зонтик.

(*По Ф. А. Искандеру**)

* **Фазиль Абдулович Искандер** (1929−2016) — советский и российский прозаик, журналист, поэт, сценарист, общественный деятель.

35. Из предложений 17−24 выпишите слово со значением «относящийся к общественным наукам, изучающим человека и его культуру».